

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

ГОСУДАРЬ ИСКУССТВО ВОЙНЫ

Цель оправдывает средства

ВЕЛИКИЕ

ПРАВИТЕЛИ

Великие правители

Никколо Макиавелли

Государь. Искусство войны

«ЭКСМО»

Макиавелли Н.

Государь. Искусство войны / Н. Макиавелли — «Эксмо»,
— (Великие правители)

«Цель оправдывает средства», — еще не зная, кто автор этих слов, по какому поводу они были сказаны и что они значат, едва ли не с детства мы запоминаем: так быть не должно, это безнравственно и цинично. Став старше, узнаем, что слова эти принадлежат итальянцу Никколо Макиавелли (1469—1527), и обнаруживаем другие его сентенции: «Все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли», «Обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда», «Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением, смотря по надобности» и многие другие. Очевидно, что человек, дающий такие рекомендации, — исчадие политического ада, он аморален и циничен, а его принципам не место в жизни. Однако почему-то трудами этого исчадия зачитывались государственные деятели и величайшие философы, книги его переведены на десятки языков, а его теория политической науки стала основой университетских курсов... Чтобы оправдать макиавеллизм, принято рассуждать о современной ему эпохе: сложной, противоречивой и нестабильной. Как раз такой, в которой методы, предложенные Макиавелли, были вполне востребованы. Все это так... и не совсем... В 1960-х гг. в США вышло очередное издание мыслей и высказываний Никколо Макиавелли с примечательным вопросом на обложке: «Макиавелли — циник, патриот или политолог?» Вот она — суть явления! Политика во все времена была, есть и будет циничной, разве что степень цинизма меняется. Ни один политик, государственный деятель или правитель не обходится без цинизма. Но чтобы стать успешным, ему также понадобится патриотизм. Макиавелли первым сформулировал этот принцип: сильный государь — но республиканское устройство, интересы государства превыше всего — в том числе и превыше собственных интересов. Не так уж и цинично. Просто — и гениально! Представляя свой главный труд — «Государя» — Макиавелли писал: «Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о

каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в безвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета». Труды Никколо Макиавелли в безвестности не остались. Признание они получили на века. Поистине, скромная гениальность и гениальная скромность... Электронная публикация включает полный текст бумажной книги и избранную часть иллюстративного документального материала. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу. Как и все издания серии «Великие правители» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями. В книге великолепный подбор иллюстративного материала: текст сопровождают более 200 редких иллюстраций из отечественных и иностранных источников, с многими из которых современный читатель познакомится впервые. Элегантное оформление, прекрасная печать, лучшая офсетная бумага делают эту серию прекрасным подарком и украшением библиотеки самого взыскательного читателя.

© Макиавелли Н.

© Эксмо

Содержание

П. И. Новгородцев. МАКИАВЕЛЛИ	8
Никколо Макиавелли. ГОСУДАРЬ	29
Никколо Макиавелли. РАССУЖДЕНИЯ О ПЕРВОЙ ДЕКАДЕ ТИТА ЛИВИЯ	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Никколо Макиавелли
(1469—1527)

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

*Государь
Искусство войны*

П. И. Новгородцев. МАКИАВЕЛЛИ

Биография Макиавелли

Разложение средневековых преданий, которому в такой мере способствовала эпоха Возрождения, нигде не совершалось столь быстро, как в классической стране Возрождения, в Италии. Древняя философия, древнее искусство, римское право и античное понятие о государстве здесь прежде всего оказали свое обновляющее влияние и послужили толчком к новому развитию. Отрицательное отношение к средневековым идеалам проявлялось в Италии тем сильнее, что носительница этих идеалов, Церковь, рано утратила здесь свой нравственный авторитет.

Бликие свидетели темных сторон папства, итальянцы начинали смотреть на него как на источник всех бедствий своей страны. К этому присоединялось влияние практических условий времени, которые выдвигали на первый план новую потребность создания крепкого государственного строя.

Чем яснее сознавалась эта потребность, чем более она встречала препятствий для своего удовлетворения, тем живее выражались протесты против действительности и против средневековых порядков, результатом которых она явилась. Любопытным памятником этого настроения являются произведения Макиавелли, у которого реакция против Средних веков принимает крайнюю форму отрицания всех начал средневековой жизни.

Макиавелли родился во Флоренции в 1469 году. Он происходил из древней, но обедневшей тосканской фамилии, члены которой не раз занимали важные должности в Флорентийской республике. Детство и юность Макиавелли совпали со временем господства во Флоренции Лоренцо Великолепного (1472–1492), под покровительством которого флорентийская образованность переживала блестящую пору своего развития. О ранних годах жизни Макиавелли не сохранилось никаких известий. По всей вероятности, он получил, согласно с духом своего времени, гуманистическое образование, которое впоследствии восполнил чтением древних, по преимуществу латинских писателей.

*Никколо Макиавелли. Статуя у входа
в галерею Уффици во Флоренции*

Занятия классиками не сделали из Макиавелли ученого гуманиста, но в связи с общим направлением века воспитали в нем большого поклонника древности. На литературную деятельность Макиавелли это увлечение древностью оказало самое глубокое влияние. Когда умер Лоренцо Медичи, Макиавелли было 23 года. Италия находилась в то время накануне важных событий. Взаимная вражда итальянских государств уже давно подготавливала почву для иноземного завоевания. В борьбе с соперниками мелкие итальянские правительства не раз угрожали призвать иноземцев.

Наконец угрозы перешли в область действительности: в 1494 году французский король Карл VIII, прозываемый миланским герцогом Людовиком Моро, вступил в Италию и положил таким образом начало эпохи итальянских войн, которая была вместе с тем эпохой величайших бедствий для итальянского народа. Совершились важные перемены и во Флоренции. Преемник Лоренцо Пьеро вскоре успел навлечь на себя нерасположение флорентийцев, и Медичи были изгнаны. На короткий срок Савонароле удалось приобрести влияние во Флоренции, но и его влияние удержалось недолго.

Порядки, установленные им, стали казаться тягостными народу, и свободолюбивые флорентийцы вновь возвратились к чисто республиканской форме правления, которая, как утверждал впоследствии Макиавелли, всего более соответствовала их нравам. Макиавелли в это время было 29 лет. Он искал практической деятельности и вскоре получил освободившееся место секретаря Совета десяти, которое удерживал за собою в течение четырнадцати лет до нового политического переворота, возвратившего Медичи во Флоренцию. Совет десяти заведовал, под надзором Синьории – высшего учреждения в республике, многими важными делами внутреннего управления и внешними сношениями.

Макиавелли приходилось вести очень сложную переписку этого учреждения и составлять протоколы заседаний. До сих пор в архивах Флоренции хранятся тысячи писем и документов различного рода, писанных его рукой. Эти занятия служили для Макиавелли прекрасным средством для практического ознакомления с политическим искусством. Но не в канцелярии только и не из общих бумаг получил Макиавелли тот богатый запас политического опыта, которым впоследствии он любил подкреплять свои теоретические положения. В этом отношении, конечно, для него было гораздо важнее непосредственное соприкосновение с жизнью.

Его часто посылали с различными поручениями то внутри государства, то к иностранным дворам. То поручают ему осмотр наемных войск, и мы находим его в лагере под Пизой, с которой Флоренция продолжала свою нескончаемую войну; то его посылают в Пистойю, в которой требовалось вмешательство флорентийского правительства для умиротворения враждующих партий; то он разузнает настроение иностранных дворов или ведет с ними дипломатические переговоры.

Дипломатические поручения и донесения

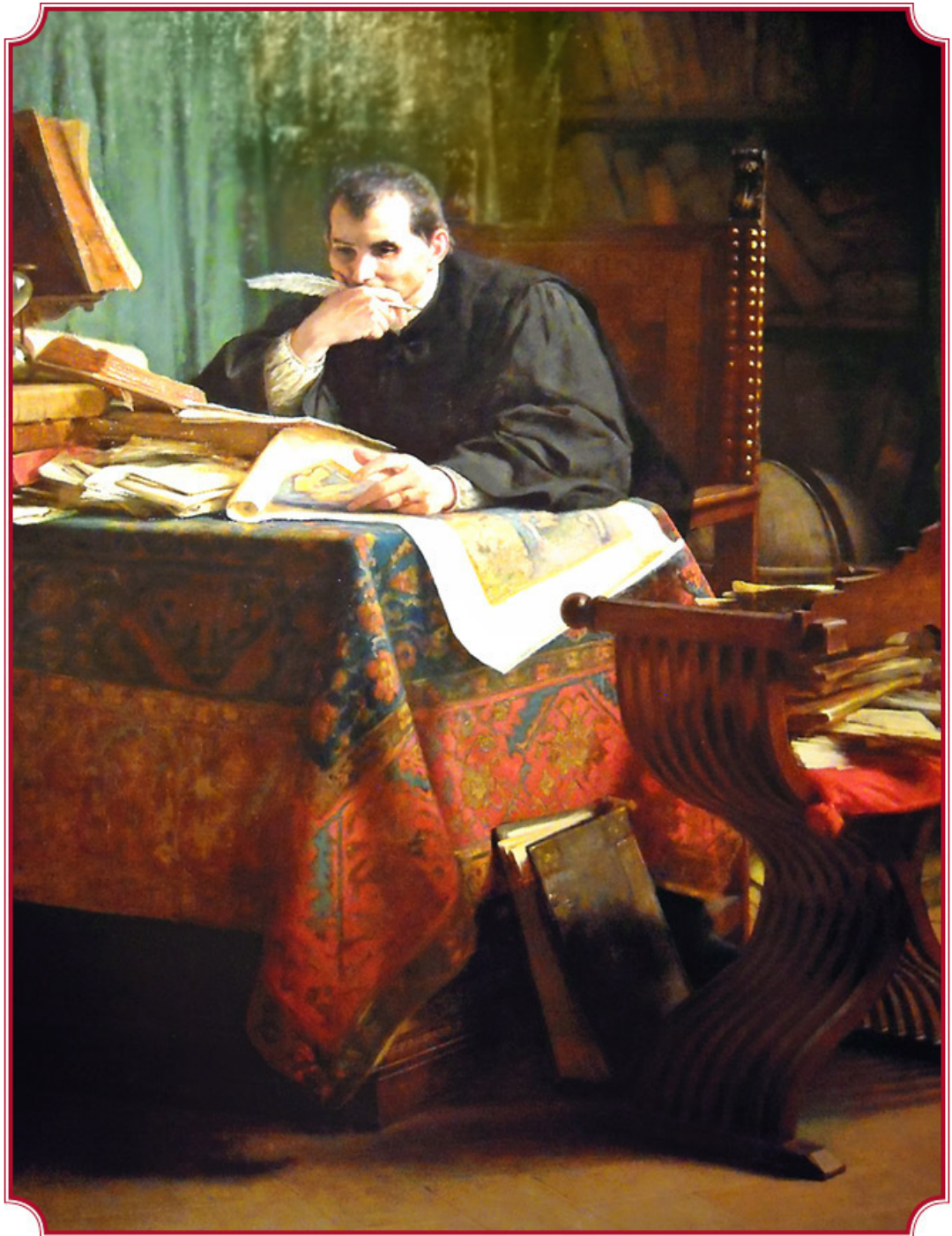
Поручения последнего рода были особенно трудны. И без того сложные политические отношения итальянских государств еще более суживались от вмешательства в дела Италии соседних держав: Испании, Франции и Германии. Французские вторжения, несколько раз повторявшиеся с 1494 года, вносили в политическую жизнь Италии новый ряд опасностей и затруднений. При раздробленности Италии противодействие подобным вторжениям и вмешательствам было для нее невозможно.

Таким мелким политическим силам, как Флоренция, приходилось в целях самосохранения ладить с иноземцами, вступать с ними в союзы, иногда помогать им денежными и военными средствами; приходилось соображать массу разнородных интересов, лавировать между самыми разнообразными опасностями. Внешняя политика приобретает в эту эпоху в Италии особенное значение; дипломатическое искусство становится чрезвычайно трудным.

Более чем когда-либо требовалось теперь от дипломатов зоркости, чтобы уследить за крайне изменчивыми планами иностранных дворов, и умения поддержать со всеми добрые отношения. Дипломатические поручения Макиавелли исполнял очень часто. Ему давали самые трудные миссии, посылали несколько раз во Францию, в Рим, в Германию, поручали выведывать тайные планы Цезаря Борджиа. Макиавелли большей частью с успехом выходил из затруднений.

Памятниками его дипломатической деятельности служат посольские донесения, в которых он, по обычаю посланников своего времени, сообщал своему правительству о ходе переговоров или о положении дел, с присоединением собственных наблюдений и выводов. Обыкновенно он не останавливается на изложении частных вопросов, послуживших поводом к той или другой его миссии; а большей частью связывает подобное изложение с общим очерком политического положения данной страны, рисует нравы ее народа, характер князя.

Характеристики князей и народов, которые Макиавелли дает в своих донесениях, отличаются необыкновенной ясностью и силой: в немногих чертах он умеет передать существенное и основное. Здесь уже мы видим будущего проницательного мыслителя и тонкого аналитика. Вместе с тем перед нами раскрывается тот подготовительный процесс, которым воспитывалась политическая мысль Макиавелли.

*Стефано Усси.
Никколо Макиавелли в кабинете. 1894 г.*

Исполняя различные поручения своего правительства, он узнавал политическую практику своего времени, наблюдал вблизи выдающихся политиков; он мог, наконец, изучить положение Италии, причины ее слабости и упадка. В его обобщающей мысли весь этот материал отлагался в виде заключений и выводов, вошедших впоследствии в его политические трактаты. В то самое время как Макиавелли делал свои выводы над итальянской действительностью, он продолжал изучать древнюю историю.

Живя при дворе Цезаря Борджиа, он просит своих друзей прислать ему Плутарха; он читает Тита Ливия и учится у него любви к Древнему Риму. Доблести древних римлян, их любовь к отечеству, их политическая мудрость, изображенная красноречивым историком-патриотом, заставляют Макиавелли преклониться перед величием Рима. Встречаясь на практике с каким-нибудь затруднительным случаем, он старается узнать, как поступали в подобных случаях римляне, и ищет поучения в римской истории.

Так, например, по поводу восстания в Ареццо, наделавшего во Флоренции много хлопот, он излагает способы, с помощью которых усмирялись восстания римлянами. Из подобных сопоставлений и справок выросли впоследствии «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Но во время своей служебной деятельности Макиавелли лишь урывками обращался к подобным работам: его занятия в канцелярии и постоянные поездки оставляли ему слишком мало свободного времени.

Роль во внутреннем управлении

Позже к его прежним обязанностям добавились новые, которым он предан с необыкновенным воодушевлением. Давно уже он пришел к убеждению, что для каждого государства необходимы собственные войска. Он видел на практике во время войны Флоренции с Пизой, как мало можно полагаться на наемных солдат. Он считал бедствием итальянских государств

отсутствие в них организованных войск, набранных из среды граждан и одушевленных любовью к родине.

Устроить во Флоренции собственную милицию – было его мечтой. В 1505 году ему удалось, наконец, убедить свое правительство решиться на этот шаг; и лишь только сделаны были необходимые распоряжения, как Макиавелли спешит привести их в исполнение. Он вырабатывает план военной организации, разъезжает по флорентийской области, набирает солдат, закупает оружие, выказывает редкую энергию в исполнении плана, который казался ему столь полезным для государства. Его преданность общему делу выступает здесь в самых ярких и симпатичных чертах.

Макиавелли находился в самом деятельном периоде своей службы Флоренции, когда новый переворот в государстве ниспровергнул республиканское правительство с гонфалоньером Содерини во главе. В 1512 году Медичи возвратились к власти и, не изменяя старых форм, на деле овладели всеми нитями государственного управления. Макиавелли, как деятельный член старого правительства, казался опасным новым правителям и был отрешен от всех своих должностей. Но его ожидали еще большие несчастья. Вскоре после возвращения Медичи во Флоренцию два флорентийских юноши, Босколи и Каттони, задумали освободить свое отечество от их владычества.

Они составили список лиц, на сочувствие которых рассчитывали, и в число других включили Макиавелли. Случайно этот список попал в руки правительства, которое заподозрило организованный заговор и арестовало предполагаемых участников его. Вместе с другими пострадал и Макиавелли; он был заключен в тюрьму и подвергнут пытке, но от него ничего не могли добиться и отпустили на свободу. После всех этих испытаний он удалился в свое имение, в котором прожил несколько лет в вынужденном уединении.

Он старался заниматься хозяйством, углубился в изучение классиков, но жажда привычной деятельности не покидала его. Он ищет возможности возвратиться во Флоренцию и снова поступить на службу. План этот казался ему осуществимым: многие из его прежних товарищей, служивших прежде республике, сохранили свои места и при Медичи, которые в общем управляли мягко, не прибегая к крутым переменам.

Потребность служить государству побеждала в Макиавелли всякие иные соображения. Но все его искания долго оставались безуспешными. Только под конец своей жизни ему пришлось еще выполнить по просьбе Медичи несколько поручений, впрочем неважных. Но этот невольный покой, которым так тяготился Макиавелли, дал ему возможность предаться литературным занятиям и написать те произведения, которые обессмертили его имя. Поселившись в деревне, он вскоре принялся за свои политические трактаты. Позже он написал «Историю Флоренции» и несколько менее значительных произведений в прозе и стихах.

Герб
Флорентийской республики

Благо государства

Слава Макиавелли как писателя по преимуществу основывается на его политических сочинениях. Из-за них он подвергался таким суровым осуждениям со стороны одних и преувеличенным похвалам со стороны других; в них содержались начала того, что впоследствии называли макиавеллизмом. Из двух главнейших политических трактатов Макиавелли более замечателен тот, который менее известен. «Князь», несомненно, более блестящее с внешней стороны произведение, более определенное по предмету и более систематическое по изложению; но только в «Рассуждениях о Тите Ливии» можно найти полное выражение взглядов Макиавелли и вместе с тем ключ к пониманию «Князя», исходные положения которого находятся уже в «Рассуждениях», освещенные притом связью с другими воззрениями автора.

В общем оба трактата не представляют собой чисто теоретических исследований. Макиавелли слишком долго был практиком и слишком много думал о текущей действительности, чтобы не внести в свою литературную работу живых запросов времени. Он изучает римскую историю для того, чтобы почерпнуть из нее назидание для современников. Он рассматривает различные политические вопросы, но более всего останавливается на тех, которые имеют значение для его страны. Его живой связью с современностью объясняется и главная проблема, около которой вращаются все его интересы.

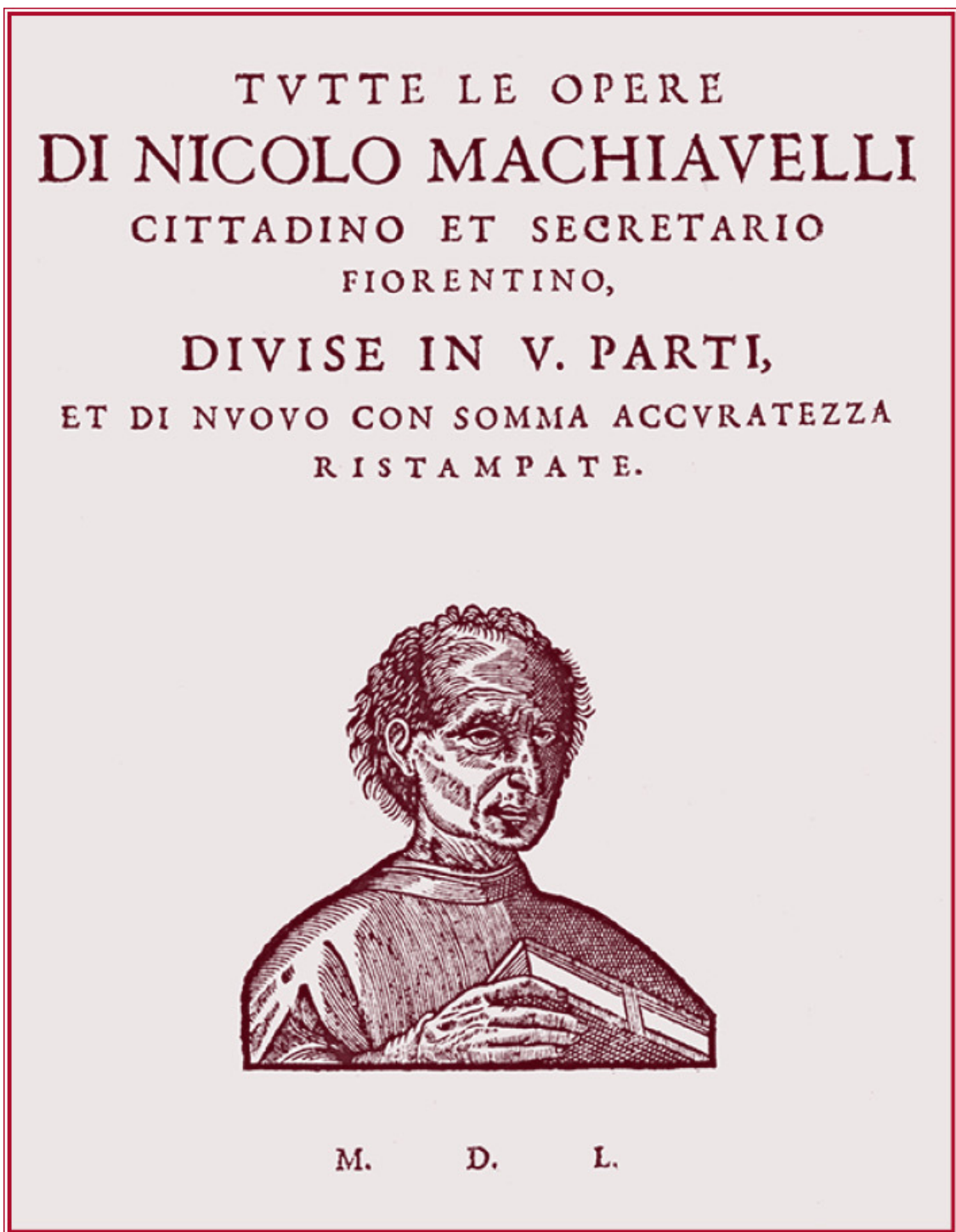
В то время, когда жил Макиавелли, насущной потребностью Италии было образование крепкого государственного порядка. Соперничество итальянских государств между собой,

вражда партий в пределах каждого отдельного города, неистовства мелких тиранов, вмешательство Церкви в светские дела и беспрестанные вторжения соседних держав – все это держало Италию в состоянии постоянной борьбы. В то время не было вопроса более жизненного, как тот, который поставил себе Макиавелли, когда он задался целью исследовать причины упадка и сохранения государств.

Средневековые политики сосредоточивали все свое внимание на вопросе об отношении двух властей: духовной и светской. Для Макиавелли это вопрос настолько далекий, что он и не упоминает о нем. Первенство государственной власти для него несомненно; он ненавидит папство и считает его причиной гибели Италии. Все его помыслы устремлены на создание крепкого государства. Макиавелли не лучшего мнения о человеческой природе, чем средневековая Церковь.

Он не верит в человека и в прочность его нравственных стремлений. Он думает, что в людях преобладают дурные влечения, что все действия их направляются пороком. Но он далек от веры Средних веков в воспитательную миссию Церкви. Он жил в веке Александра VI, видел пороки итальянского общества, видел пороки самого папства. Но тем с большей силой он готов был верить, что государство может воздерживать людей от зла и направлять их к лучшим стремлениям. В особенности для Италии крепкая государственная власть являлась, в его глазах, единственным спасением.

Но отрешение Макиавелли от средневековых воззрений идет и далее того: для него государство вообще является пределом человеческих стремлений, а служение государственному благу – высшим счастьем для человека. Он боготворит государство, как древний римлянин или грек, и вне его ничего не знает. Он хвалит тех, кто любит свое отечество более, чем спасение души. Он готов жертвовать для блага государства всем: и благом отдельных лиц, и даже нравственными соображениями.

Титульный лист собрания сочинений Н. Макиавелли.
Генуя. Начало XVII в.

Рассуждения о Тите Ливии

Это были чувства и мысли человека, долго и самоотверженно служившего своему отечеству, и притом воспитанного на древних образцах. Понятно поэтому, какую важность имел в его глазах вопрос о сохранении государства. Этот коренной для Макиавелли вопрос разви-

вается в двух его трактатах в совершенно различных направлениях. В «Рассуждениях о Тите Ливии», отправляясь от рассказа римского историка, Макиавелли исследует средства, с помощью которых поддерживаются республики. По замыслу Макиавелли – это трактат о политическом искусстве римлян, с помощью которого они достигли своего величия.

В «Князе» Макиавелли показывает, как охраняется государственный строй в княжествах; здесь имеются в виду меры, посредством которых государственный порядок может быть водворен в Италии. В «Рассуждениях о Тите Ливии» перед нами раскрывается политический идеал Макиавелли. К итальянской действительности он относится с глубокой скорбью патриота, видящего свое отечество на краю гибели. Но тем более преклонялся он перед государственным величием Рима, в котором он видел живое воплощение гражданских доблестей и политической мудрости.

Его идеал – Рим, и притом Рим республиканский, покоривший весь мир. Лучшего образца невозможно и придумать. «А между тем, – говорит Макиавелли, – политики никогда не обращаются за поучением к истории древних; обыкновенно считают трудным и даже невозможным подражать великим примерам прошлого. Как будто бы люди не остались все те же, подобно небу, солнцу и стихиям!» Разъяснить на исторических примерах истинный дух римлян, который создал их славу и величие, и внушить этот дух своим современникам – такова была задача, которую поставил себе Макиавелли в «Рассуждениях о Тите Ливии».

Объяснение политических успехов римлян он прежде всего видит в совершенстве их учреждений. Они сумели установить у себя республиканские формы и допустить народ к участию в управлении; а в этом и заключается залог государственного единства и необходимое условие для распространения владычества на другие страны. Главное, что укрепляет мощь государства, это внимание к общей пользе, вызывающее расположение граждан к правительству; а это всего скорее может быть достигнуто в республиках.

При завоевании надо опираться на народные массы, но для этого надо привлечь их к участию в управлении. В отзывах Макиавелли о преимуществах римского строя слышится голос гражданина Флорентийской республики, расположенного к свободным формам государственной жизни. Макиавелли – несомненный сторонник народного правления; но он не считает его пригодным для всех времен. Как разъясняет он в «Рассуждениях», для установления порядка в новом государстве или для осуществления важных реформ гораздо более успешно монархическое управление.

Притом же для прочности республиканских учреждений необходима доблесть граждан, а она встречается не везде. Римляне сумели сохранить добрые нравы и этим надолго обеспечили у себя прочный государственный порядок и свободные учреждения. Умеренность, благоразумие и мужество граждан, энергия и преданность общему делу должностных лиц, постоянный надзор за всем государственных учреждений – все это обуславливало здесь правильное течение народной жизни. Макиавелли рассматривает подробно и внешнюю политику римлян, с помощью которой они сумели распространить свое владычество на весь мир.

Тайну их завоевательных успехов он видит в их умении обращаться с покоренными народами. Они умели привлечь к себе побежденных в качестве союзников, оставляли им самоуправление, хотя и утверждали над ними свое главенство. Таким образом, владея, они приобретали и новые силы. Спарта и Афины следовали другому способу: они хотели господствовать над побежденными силой; но в этом и заключалась причина их гибели. Невозможно удержать в повиновении народ, особенно привыкший к свободе, при помощи одного оружия.

Макиавелли ставит в пример и военное искусство римлян, их умение организовать войска и вести войны. Во всех этих отношениях они дали лучшие примеры, выше которых история ничего не знает. Везде умели они избирать лучшие пути и везде имели успех, и притом благодаря своим доблестям, а не случайной удаче. Излагая политические приемы римлян, Макиавелли сопоставляет их с приемами других народов, рассуждает, выводит общие правила. Таким

образом, его рассуждения о римской истории превращаются в теорию политического искусства.

Он говорит главным образом о республиках, но выясняет мимоходом и свой взгляд на княжества, их преимущества и недостатки. Над всем изложением господствует идея сильного государства, умеющего сохранить внутренний порядок и распространить свое могущество. Эта идея, которой Макиавелли был фанатическим поклонником, казалась ему воплотившейся в древнем республиканском Риме; отсюда его преклонение перед римской историей. Но времена римской славы кажутся ему столь же великими, сколько далекими. Оглядываясь вокруг, он видел общество развращенное и лишенное гражданских доблестей; он видел Италию, разъединенную и слабую, страдающую под игом варваров.

Не о поддержании упроченного порядка приходилось здесь думать, а об установлении его вновь. Свое отношение к действительности и к задачам своего времени Макиавелли ясно намечает уже в «Рассуждениях о Тите Ливии». Всякий раз, когда приходится ему сопоставлять Древний Рим и современную Италию, он со скорбью отмечает глубокое различие между прошлым и настоящим. Там – величие, гражданская доблесть, строгие нравы; здесь – бессилие, господство своекорыстных стремлений, порок. Разъясняя причину этого различия, причину упадка Италии, Макиавелли во всем винит католическую Церковь.

Вместо того чтобы сохранить в чистоте заветы христианской религии, она сама подавала пример безнравственности. Ей обязаны итальянцы утратой религиозного духа и нравственных стремлений. Она старалась поддерживать разъединение в стране и таким образом привела ее к гибели. Государство не может пользоваться единством и счастьем, если оно не подчинено одному правительству; а римская Церковь, сама не будучи в силах стать во главе всей Италии, была, однако, достаточной для того, чтобы поддерживать в ней разделение.

Из опасения потерять свою светскую власть всякий раз, когда являлась возможность объединения Италии под чьим-нибудь владычеством, она призывала иноземцев и разрушала планы тех, кто мог приобрести власть над всей страной. Отсюда произошла политическая слабость Италии, делающая из нее легкую добычу не только для могущественных государств, но и для всякого, кто тешится на нее напасть. Таким образом, Макиавелли видит в католической Церкви врага государственного единства Италии и потому сам становится ее решительным врагом.

Но с точки зрения своего идеала – идеала могущественного светского государства он готов иногда нападать на самую христианскую религию. Приучив людей к смирению, к пренебрежению земными благами, она сделала то, что мир стал добычей злых, беспрепятственно господствующих над добрыми, которые из стремления спасти душу более склонны терпеть зло, чем мстить за него. Она расшатала государственный порядок и ослабила в людях привязанности к мирским почестям и к государственному служению.

Языческая религия, напротив, воспитывала в гражданах мужественные добродетели, приучала их любить отечество и выше всего ставить служение государству. Поэтому Макиавелли готов почти отдать ей предпочтение перед христианской. Здесь увлечение древностью и отрицание всего средневекового достигает у Макиавелли высших пределов. Одностороннее стремление освободить государственное начало от всяких стеснительных влияний приводит его к самым крайним последствиям.

Флоренция в XV в.

Князь¹

Итак, все бедствия Италии, анархия, господствующая в ней, есть наследие Средних веков. Но как же помочь злу? Как выйти из этого бедственного положения? Как собрать рассыпавшиеся части государственного строения? Пути и средства для этого Макиавелли также намечает в «Рассуждениях о Тите Ливии». Размышляя о способах восстановления государственного порядка среди испорченных народов, он высказывает мысль, что такую задачу может выполнить только князь.

Трудно государству сохранить свободные учреждения, если в гражданах нет добродетели, если лица знатные стремятся властвовать над народом и угнетать его. Только власть монарха может смирить дворян, обуздать народ и установить в государстве единство и мир. Но для этого необходимы решительные меры. Когда дело идет о спасении государства, нечего думать о том, справедлив или несправедлив, кроток или жесток, похвален или позорен известный образ действий; но надо отбросить в сторону всякие колебания, схватиться за те средства, которые могут помочь в данном случае.

Макиавелли считал это необходимым и для республики; он хвалил римлян за то, что они избегали полумер. Но с еще большей резкостью подчеркивает он необходимость не стесняться в средствах в применении к княжествам. Мысли свои о княжествах Макиавелли изложил в особом трактате, за который он принялся еще прежде, чем окончил свои «Рассуждения о Тите Ливии». В то время в Италии приобрела большое значение фамилия Медичи благодаря избранию одного из ее членов на папский престол.

Родственники пап часто делались владетельными князьями. Предполагалось и теперь для брата папы Юлия создать особое княжество из некоторых городов Средней Италии или дать ему королевство Неаполитанское. Быть может, это послужило для Макиавелли внешним поводом поспешить с изложением своих взглядов на природу княжеской власти. Он думал, что его долгий политический опыт может быть полезен новому князю. Он жаждал стать его руководителем, внушить ему свои планы и мечты.

¹ В переводе Муравьевой, помещенном в данном издании, «Государь».

С этой целью он пишет своего «Князя», дает советы, указывает пути и заканчивает трактат вдохновенным призывом к Медичи спасти Италию от ига варваров. Макиавелли разбирает различные виды княжеств; но всего более он останавливается на тех княжествах, которые приобретаются вновь. В наследственных княжествах легко сохранить власть: стоит только не нарушать установленного порядка. Напротив, новому князю предстоят всяческие затруднения. Указать средства к устранению этих затруднений служит главной задачей «Князя».

При разрешении этой задачи Макиавелли берет иногда примеры из древней истории; но главный материал доставляет ему современная итальянская действительность, которая была эпохой новых княжеств. При отсутствии твердой государственной власти в Италии, при слабости мелких политических тел, истощаемых притом внутренней борьбой партий, политические захваты были явлением времени. С помощью наемных войск или посторонней поддержки нетрудно было основать новое княжество, и такие княжества возникали одно за другим.

Макиавелли сам видел таких князей и мог изучить их политику путем собственных наблюдений. Все эти наблюдения и воспоминания он изложил в своем «Князе» и, таким образом, дал верное изображение тирана, каким создала его эпоха Возрождения. Князь Макиавелли, подобно князю этой эпохи, неразборчив в средствах. Он не удерживается перед жестокостями, не стыдится обмана, господствует при помощи силы и коварства.

Князю, в особенности новому, – так рассуждает Макиавелли, – нельзя удержаться при помощи одних законных средств, недостаточно и одной открытой силы; для того чтобы не попасть в западню, нужны хитрость и предусмотрительность. Князь должен быть сильным, как лев, и хитрым, как лисица. Он должен держать свое слово только тогда, когда это выгодно, и вообще вести себя сообразно с обстоятельствами. Иногда он должен действовать против всякого человеколюбия, милосердия и даже религии. С виду, однако, он всегда должен казаться добродетельным.

Большинство, которое судит по внешности, этому поверит; а мнение меньшинства не имеет значения. В объяснение необходимости держаться таких правил Макиавелли постоянно повторяет, что нельзя оставаться на пути добродетели среди стольких людей, которые склонны поступать иначе. Если князь будет обращать внимание на то, что должно быть, а не на то, что есть в действительности, он погибнет сам и погубит свое государство. Мы видели не раз, замечает Макиавелли, как князья, прибегавшие к хитрости, одерживали верх над теми, которые хотели руководиться в своих действиях требованиями законности.

Цезарь Борджиа

Все свои наставления Макиавелли излагает с цинической откровенностью, которая поражает читателя. Было бы, однако, несправедливо утверждать, как делали это иногда, что Макиавелли хотел рекомендовать свои правила людям в их частных отношениях. Он обращается со своими советами исключительно к государям и имеет в виду только область политики, о ней рассуждает так, как будто бы предписания морали были здесь совершенно неприменимы.

Свои советы Макиавелли подкрепляет примерами из действительной жизни, входя иногда в подробный разбор политики отдельных государей. Для нас достаточно будет воспользоваться одним из этих примеров, который может послужить прекрасной иллюстрацией и политических приемов эпохи, и взглядов нашего писателя. Пример этот особенно ценится и самим Макиавелли. Мы разумеем здесь деятельность Цезаря Борджиа, характеристике которой посвящена целая глава трактата.

Еще в своих посольских донесениях, в которых Макиавелли сообщал свои впечатления во время пребывания у герцога, он отзывался с большой похвалой о его политической мудрости. Тогда еще он удивлялся искусству Цезаря выполнять свои политические планы и его необыкновенной решительности, с помощью которой он побеждает все препятствия. С тех пор Макиавелли часто вспоминает в своих письмах герцога, всякий раз ставя его в пример новым князьям.

Он, конечно, не забыл рассказать о его деятельности и в «Князе». Он подробно описал здесь средства, с помощью которых Цезарь Борджиа, не владея сначала ничем, сумел образовать себе целое государство и установить в нем порядок и мир. Стремясь к этому, не пренебрегал ничем, что только должен делать мудрый и ловкий человек для укрепления своей власти. Достигнув своего положения при поддержке папы и при помощи союзных войск, он постарался потом приобрести собственную силу, на которую можно было бы опираться в дальнейших действиях.

Путем подарков и почестей он привлек к себе много приверженцев; врагов же своих он истребил, причем, когда нужно было, прибегал к хитрости. Так, например, наиболее опасных своих соперников он заманил к себе под предлогом переговоров, уверив предварительно в своей дружбе, и всех их убил. Совершая завоевания, он из предосторожности истреблял даже потомство тех, у которых отнимал владения, чтобы обезопасить себя на будущее время. Народ он умел расположить к себе хорошим управлением.

Когда требовались жестокие меры, он не останавливался и перед ними; но старался показать вид, что они исходят не от него, а от его подчиненных, которым приходилось выполнять его планы. Иногда, после того как главное уже было сделано, он выдавал даже своих слуг народу, чтобы успокоить раздраженных. Так рисует Макиавелли деятельность Цезаря Борджиа. Свой рассказ он заканчивает следующими характерными словами: «...рассматривая все поведение герцога, я не могу его ни в чем упрекнуть; напротив, мне кажется, что его можно поставить в пример всем, которые достигнут власти при помощи счастья и чужого оружия.

Имея высокую душу и великие цели, он не мог действовать иначе». Здесь с яркостью выступает основное воззрение Макиавелли: он смотрит на Цезаря как на мудрого правителя, стремившегося к установлению твердого государственного порядка, и потому во всей его жестокости и безнравственной политике видит лишь проявление решительности, проницательности и ловкости; где преследуются политические цели, там все средства кажутся ему дозволенными.

Кардинал Чезаре Борджиа.
Гравюра XVIII в.

Макиавеллизм

В этом подчинении средств целям, в этом отделении политики от нравственности заключается самая характерная черта политических приемов, рекомендуемых Макиавелли. Но было бы совершенно ошибочно считать Макиавелли изобретателем этой системы. Из одних ссылок его на современную политическую практику можно видеть, что было в действительности. Не

раз уже было замечено, что макиавеллизм существовал ранее Макиавелли. Политика, изображенная в «Князе», являлась прямым последствием тех условий, при которых возникали новые княжества.

Появление тирании появлялось в то время легко; но существование их было подвержено неисчислимым опасностям. Тирану приходилось считаться с недовольными среди своих подданных, быть готовым к нападению соседей и опасаться даже среди членов своей семьи честолюбивых замыслов на свой престол. Он жил в постоянной опасности заговоров, возмущений и войн. Все это вырабатывало характеры подозрительные и жестокие – политиков, которые везде видели врагов и старались предупреждать чужие козни при помощи собственного коварства.

Но и старые республиканские государства Италии вынуждаемы были идти по этому же пути. Вокруг них возникали новые политические тела, а вместе с тем являлись и новые опасности для их существования. Чтобы не погибнуть в борьбе с соседями, они должны были увеличивать свои силы, старались приобретать новые владения и по необходимости втягивались во все опасности внешней политики с ее сомнительными путями и средствами.

Сами папы, оберегая свою светскую власть, не отставали от других в политике вероломства и насилия. Везде усиление государственного могущества становилось главной заботой правителей. Но в этой атмосфере постоянных опасностей и крайне запутанных политических отношений к нему привыкли стремиться при помощи таких мер, в которых отрицалась всякая нравственность. Если попытки удавались, они вели иногда к созданию государства нового типа с крепкой центральной властью, восстанавливавшей порядок, поддерживавшей правосудие.

Но всего чаще подобные меры служили своекорыстной политике честолюбцев, жаждавших власти. Укрепив свой престол при помощи обманов и жестокостей, они погибали обыкновенно в сетях, расставленных ими самими, разорив и обессилив своих подданных. Но не для этих тиранов в худшем смысле слова давал свои советы Макиавелли. Не к разрушению, а к созиданию призывал он своего князя. Не мелким льстецом властителей с сомнительными целями хотел он быть, а советником князей – устроителей своего государства. Он с негодованием говорит о тех тиранах, которые более грабят своих подданных, чем управляют ими.

Портрет Никколо Макиавелли

Он всегда ставит на первый план мощь и силу самого государственного союза; его постоянной заботой является укрепление государственного порядка. Живя среди развращенного общества и видя общий политический упадок Италии, он ждал осуществления этих задач только от энергичного реформатора, который поймет нужды страны и сумеет объединить вокруг себя ее силы. Он горячо верит в возможность этого дела и хочет убедить в этом других.

Не возникали ли вокруг него государства при помощи личной энергии предприимчивых людей? Следует только не останавливаться перед затруднениями, но прямо и решительно идти к цели. И вот Макиавелли, проникнутый этой мыслью, зовет своего князя к реформам, которые передавались жизнью, зовет его прекратить грабежи и убийства в Ломбардии, установить

порядок в Неаполе и Тоскани, залечить застарелые раны Италии и спасти ее, почти умирающую, от неистовства варваров. Его речь проникается при этом редким одушевлением, хитрый дипломат, возмущавший наше нравственное чувство, уступает здесь место пламенному патриоту, привлекающему наши симпатии.

Макиавелли обращал свой призыв к Медичи. Когда умер Юлий, он посвятил свою книгу Лоренцо; но на нее не обратили внимания, и его план объединения Италии для изгнания иноземцев остался мечтой. Однако сочинения его, и особенно трактат о княжеской политике, вскоре получили большую известность. Их читали, комментировали на все лады, критиковали, переводили на иностранные языки. Макиавелли вскоре нашел и суровых судей, и горячих поклонников.

Ближайшие противники Макиавелли упрекали его обыкновенно в равнодушии к требованиям нравственности, причем, в пылу полемики, возводили на него самые тяжкие и незаслуженные обвинения, выставляя его как разрушителя всех нравственных основ, преследовавшего мелкие цели угодничества тиранам. С тех пор суждения о великом итальянском писателе значительно смягчились. Клеймо низкого льстеца тиранов и изобретателя системы политического коварства давно уже снято с памяти Макиавелли.

Его пламенный патриотизм, его преданность общему благу, его ясное представление о задачах итальянской политики и его искреннее желание подготовить лучшее будущее своему отечеству – все, чем он так выгодно отличался от своих современников, – давно уже нашли себе справедливую оценку. Но никакие панегирики, никакие превознесения заслуг писателя, никакие указания на продолжающуюся до сих пор практику макиавеллизма не могли заставить забыть, что Макиавелли пытался учить политике, которая являлась печальной необходимостью смутного времени, не сознававшего еще значения нравственных начал и не верившего в силу добра.

Никколо Макиавелли

Государь

Никколо Макиавелли. ГОСУДАРЬ

Перевод с итальянского Г. Д. Муравьевой

Никколо Макиавелли – Его светлости Лоренцо де Медичи²

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших.

Лоренцо де Медичи (1492—1519), прозванный «Великолепным» — сын Пьеро де Медичи, племянник Льва X, номинальный правитель Флоренции (с 1513 г.), герцог Урбино (с 1516 г.), знаменитый флорентийский государственный деятель, глава Флорентийской республики в эпоху Возрождения, покровитель наук и искусств, поэт.

Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости. И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед вами, однако же верю, что по своей снисходительности вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог.

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей.

Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгра-

² Посвящение трактата относится ко времени между сентябрем 1515 г. и сентябрем 1516 г.

нично я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулят вам судьба и ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

Автограф Макиавелли

Глава I. Скольких видов бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца³, либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания, – таково Неаполитанское королевство для короля Испании⁴. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

³ Франческо Сфорца (1401–1466) был назначен главнокомандующим в войне с Венецией, но, заключив с венецианцами союз, повернул оружие против Милана и захватил в нем власть (1450).

⁴ Испанский король, Фердинанд Католик (1452–1516), заключил с Людовиком XII договор о разделе Неаполя (Гранада, 11 ноября 1500 г.), с помощью французов отобрал королевство у правившего им Федерико Арагонского, а затем изгнал из него и французов (1502–1504).

Глава II. О наследственном единовластии

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте⁵. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером тому может служить герцог Феррарский⁶, который удержался у власти после поражения, нанесенного ему венецианцами в 1484 году и Папой Юлием⁷ в 1510-м, только потому, что род его исстари правил в Ферраре⁸. Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

⁵ В книге первой «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия».

⁶ Речь идет об *Эрколе I д'Эсте* (1471–1505), который в войне с Венецией (1482–1484) понес территориальный ущерб, и *Альфонсо I д'Эсте* (1505–1534), последний принимал участие в войнах Святой Лиги на стороне Франции (1510–1512) и на некоторое время лишился своего герцогства.

⁷ Т. е. Папа Юлий II (Джулиано делла Ровере, 1443–1513), ставший понтификом в 1503 г.

⁸ Род д'Эсте владел Феррарой с 1208 г.

Глава III. О смешанных государствах

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение – так что государство становится как бы смешанным, – трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие той же естественной причины, которая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого.

Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан – ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско.

Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и так же быстро его лишился. И герцогу Лодовико потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах. Так в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Лодовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства и не рассеяли и не изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше.

Тем не менее Франция оба раза потеряла Милан. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика – и у всякого на его месте, – чтобы упрочить завоевание верней, чем то сделала Франция.

Первый раз Людовик XII послал войска в Италию в феврале 1499 г., избрав предлогом к объявлению войны тот факт, что его род по женской линии восходил к правителю Милана Джан Галеаццо Висконти. В сентябре Милан пал, но вскоре против французов вспыхнуло восстание, и Лодовико Моро смог на короткое время вернуть себе власть.

Второй раз Франция потеряла Милан, потерпев поражение под Равенной в апреле 1512 г., где ее противником были войска Святой Лиги.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства.

Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони⁹, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати – тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание – именно так поступил с Грецией турецкий сул-

⁹ Нормандия была присоединена к Франции Филиппом II Августом в 1204, Гасконь – Карлом VII в 1453 г., Бургундия – Людовиком XI в 1477 г., Бретань вошла в состав Франции при Карле VIII в 1491 г. как приданое его жены.

тан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу¹⁰.

Ибо только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо взывать к суду государя, – что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным – бояться. И если бы кто-нибудь из соседей замыслил нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

Другое отличное средство – учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность – разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да и, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей.

Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю. По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести.

Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постой войска обременяют все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а такие враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того – следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой. Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха – так некогда римлян в Грецию призвали этолийцы¹¹, да и во все другие страны их тоже призывали местные жители.

Порядок же вещей таков, что когда могущественный государь входит в страну, менее сильные государства сразу примыкают к нему – обычно из зависти к тем, кто превосходит их силой, – так что ему нет надобности склонять их в свою пользу, ибо они сами охотно присоединятся к созданному им государству. Надо только не допускать, чтобы они расширились и крепились, и тогда, своими силами и при их поддержке, нетрудно будет обуздать более крупных правителей и стать полновластным хозяином в данной стране. Если же государь обо всем этом не позаботится, он скоро лишится завоеванного, но до того претерпит бесчисленное множество трудностей и невзгод.

Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев. Огра-

¹⁰ Грецией автор называет Балканский полуостров, куда османы вторглись в 1357 г.

¹¹ Первая Македонская война велась между Римом и Македонией в 214–205 гг. до н. э.

ничусь примером Греции. Римляне привлекли на свою сторону ахейцев и этолийцев; унизили Македонское царство; изгнали оттуда Антиоха. Но, невзирая ни на какие заслуги, не позволили ахейцам и этолийцам расширить свои владения, не поддались на лесть Филиппа и не заключили с ним союза, пока не сломили его могущества и не уступили напору Антиоха, домогавшегося владений в Греции.

Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым.

**Торжественный въезд Людовика XII в Геную.
Французская миниатюра из книги «Поход в Геную».
XV в.**

Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

Римляне, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее – к выгоде противника. Поэтому они решились на войну с Филиппом и Антиохом на территории Греции – чтобы потом не пришлось воевать с ними в Италии. В то время еще была возможность избежать войны как с тем, так и с другим, но они этого не пожелали.

Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: «Полагайтесь на благодетельное время», – они считали благодетельным лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление же может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

Но вернемся к Франции и посмотрим, выполнила ли она хоть одно из названных мною условий. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике – он дольше удерживался в Италии, поэтому его образ действия для нас нагляднее, – и вы убедитесь, что он поступал прямо противоположно тому, как должен поступать государь, чтобы удержать власть над чужой по обычаям и языку страной.

Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам¹², которые, желая расширить свои владения, потребовали за помощь половину Ломбардии. Я не виню короля за эту сделку: желая ступить в Италию хоть одной ногой и не имея в ней союзников, в особенности после того, как по милости Карла перед Францией захлопнулись все двери, он вынужден был заключать союзы, не выбирая. И он мог бы рассчитывать на успех, если бы не допустил ошибок впоследствии.

Завоевав Ломбардию, он сразу вернул Франции престиж, утраченный ею при Карле: Генуя покорилась, флорентийцы предложили союз¹³; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, дом Бентивольи, графиня Форли, властители Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино; Лукка, Пиза, Сиена – все устремились к Людовику с изъявлениями дружбы. Тут-то венецианцам и пришлось убедиться в опрометчивости своего шага: ради двух городов в Ломбардии они отдали под власть короля две трети Италии¹⁴.

Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам; многочисленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог бы через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе. И однако не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог Папе Александру захватить Романью.

И не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной. Совершив первую ошибку, он вынужден был дальше идти тем же путем, так что ему пришлось самому явиться в Италию¹⁵, чтобы обуздать честолюбие Александра и не дать ему завладеть Тосканой.

Но Людовику как будто мало было того, что он усилил Церковь и оттолкнул союзников: домогаясь Неаполитанского королевства¹⁶, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, равного по силе соперника, – как видно, затем, чтобы

¹² Венеция рассчитывала расширить свои материковые владения, по соглашению в Блуа (апрель 1499 г.) ей должны были отойти Кремона и Гьярада.

¹³ Генуя перешла под прямое управление Франции, в нее был назначен французский губернатор; Флоренция предложила поддержать Людовика XII в Ломбардии и Неаполе, с тем что он поможет ей овладеть Пизой.

¹⁴ Венецианские приобретения были на самом деле весьма внушительны (Крема, Кремона, Бергамо, Бреша), тогда как Людовику XII досталась остальная часть Миланского герцогства.

¹⁵ Людовик XII прибыл в Италию в июле 1502 г., но не из-за угроз Тоскане со стороны Чезаре Борджа, а из-за необходимости готовиться к войне с Испанией.

¹⁶ По соглашению в Гренаде (11 ноября 1500 г.), Людовику XII должна была достаться северная часть этого королевства и титул Неаполитанского короля, а Фердинанду Католику – титул герцога Пульи и Калабрии вместе с этими областями.

недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником¹⁷, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

Поистине, страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. Франции стоило бы попытаться овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела. Если раздел Ломбардии с венецианцами еще можно оправдать тем, что он позволил королю утвердиться в Италии, то этот второй раздел достоин лишь осуждения, ибо не может быть оправдан подобной необходимостью.

Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государя внутри Италии, призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли бы оказаться не столь уж пагубными при его жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения¹⁸. Венеции следовало дать острастку до того, как он помог усилению Церкви и призвал испанцев, но, совершив обе эти ошибки, нельзя было допускать разгрома Венеции. Оставаясь могущественной, она удерживала бы других от захвата Ломбардии как потому, что сама имела на нее виды, так и потому, что никто не захотел бы вступать в войну с Францией за то, чтобы Ломбардия досталась Венеции, а воевать с Францией и Венецией одновременно ни у кого не хватило бы духу.

Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь – испанскому королю, дабы избежать войны, я отвечу прежними доводами, а именно: что нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежишь, а преимущество в войне утратишь. Если же мне заметят, что король был связан обещанием Папе – в обмен на расторжение королевского брака¹⁹ и кардинальскую шапку архиепископу Руанскому²⁰ – помочь захватить Романью, то я отвечу на это в той главе²¹, где речь пойдет об обещаниях государей и о том, каким образом следует их исполнять.

Итак, король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от тех правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив – все весьма обычно и закономерно. Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Руанским²², когда Валентино – так в просторечии звали Чезаре Борджа, сына Папы Александра, – покорял Романью; кардинал заметил мне, что итальянцы мало смыслят в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смыслят в политике, иначе они не допустили бы такого усиления Церкви.

Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

¹⁷ Федерико I Арагонский, король Неаполя (1496–1501), лишенный престола, получил от Людовика XII титул графа Мена (умер в 1504 г.).

¹⁸ 10 декабря 1508 г. Людовик XII вступил в Камбрейскую Лигу и, разбив венецианцев при Аньяделло (14 мая 1509 г.), завладел Брешей, Бергамо, Кремоной.

¹⁹ Людовик XII развелся с Жанной, сестрой Карла VIII, и женился на его вдове, Анне Бретанской. Папское разрешение на развод было доставлено королю лично Чезаре Борджа 12 октября 1498 г.

²⁰ Жорж д'Амбуаз (1460–1510) возведен в кардиналы в сентябре 1498 г.

²¹ См. гл. XVIII.

²² В ноябре 1500 г., во время первого посольства во Францию.

Глава IV. Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти

Рассмотрев, какого труда стоит удержать власть над завоеванным государством, можно лишь подивиться, почему вся держава Александра Великого – после того, как он в несколько лет покорил Азию²³ и вскоре умер, – против ожидания не только не распалась, но мирно перешла к его преемникам, которые в управлении ею не знали других забот, кроме тех, что навлекали на себя собственным честолюбием²⁴.

В объяснение этого надо сказать, что все единовластно управляемые государства, сколько их было на памяти людей, разделяются на те, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности и помогают ему управлять государством, и те, где государь правит в окружении баронов, властвующих не милостью государя, но в силу древности рода.

Бароны эти имеют наследные государства и подданных, каковые признают над собой их власть и питают к ним естественную привязанность. Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая к ним никакой особой привязанности.

Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуетя одному властелину; все прочие в государстве – его слуги; страна поделена на округа – санджаки²⁵, куда султан назначает наместников, кото-

²³ В 334–327 гг. до н. э.

²⁴ Империя Александра Македонского вскоре после его смерти распалась на одиннадцать царств из-за войн его преемников – диадохов.

²⁵ *Санджак* – административная единица Турецкой империи.

рых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции, напротив, окружен многочисленной родовой знатью, признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть.

Если мы сравним эти государства, то увидим, что монархию султана трудно завоевать, но по завоевании легко удержать; и напротив, такое государство, как Франция, в известном смысле проще завоевать, но зато удержать куда сложнее. Державой султана нелегко овладеть потому, что завоеватель не может рассчитывать на то, что его призовет какой-либо местный властитель, или на то, что мятеж среди приближенных султана облегчит ему захват власти.

Как сказано выше, приближенные султана – его рабы, и так как они всем обязаны его милостям, то подкупить их труднее, но и от подкупленных от них было бы мало толку, ибо по указанной причине они не могут увлечь за собой народ. Следовательно, тот, кто нападает на султана, должен быть готов к тому, что встретит единодушный отпор, и рассчитывать более на свои силы, чем на чужие раздоры.

Но если победа над султаном одержана и войско его наголову разбито в открытом бою, завоевателю некого более опасаться, кроме разве кровной родни султана. Если же и эта истреблена, то можно никого не бояться, так как никто другой не может увлечь за собой подданных; и как до победы не следовало надеяться на поддержку народа, так после победы не следует его опасаться.

Иначе обстоит дело в государствах, подобных Франции: туда нетрудно проникнуть, вступив в сговор с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда найдутся недовольные и охотники до перемен. По указанным причинам они могут открыть завоевателю доступ в страну и облегчить победу.

Но удержать такую страну трудно, ибо опасность угрожает как со стороны тех, кто тебе помог, так и со стороны тех, кого ты покорил силой. И тут уж недостаточно искоренить род государя, ибо всегда останутся бароны, готовые возглавить новую смуту; а так как ни удовлетворить их притязания, ни истребить их самих ты не сможешь, то они при первой же возможности лишат тебя власти.

Если мы теперь обратимся к государству Дария²⁶, то увидим, что оно сродни державе султана, почему Александр и должен был сокрушить его одним ударом, наголову разбив войско Дария в открытом бою. Но после такой победы и гибели Дария он, по указанной причине, мог не опасаться за прочность своей власти.

И преемники его могли бы править, не зная забот, если бы жили во взаимном согласии: никогда в их государстве не возникало других смут, кроме тех, что сеяли они сами. Тогда как в государствах, устроенных наподобие Франции, государь не может править столь беззаботно.

В Испании, Франции, Греции, где было много мелких властителей, то и дело вспыхивали восстания против римлян²⁷. И пока живо помнилось прежнее устройство, власть Рима оставалась непрочной; но по мере того, как оно забывалось, римляне, благодаря своей мощи и продолжительности господства, все прочнее утверждали свою власть в этих странах. Так что позднее, когда римляне воевали между собой, каждый из соперников вовлекал в борьбу те провинции, где был более прочно укоренен.

И местные жители, чьи исконные властители были истреблены, не признавали над собой других правителей, кроме римлян. Если мы примем все это во внимание, то сообразим, почему Александр с легкостью удержал азиатскую державу, тогда как Пирру²⁸ и многим другим стоило

²⁶ Дарий III (336–330 гг. до н. э.) – царь Персии, последний представитель династии Ахеменидов.

²⁷ Имеются в виду восстания кельтиберов (195–179 гг. до н. э.), кельтиберов и лузитанов (155–154 гг. и 149–133 гг. до н. э.), восстание Верцингеторикса в Галлии (53–52 гг. до н. э.), а также антиримская позиция Этолийского союза во время войны с Антиохом Великим и Ахейского союза во время трех Македонских войн, завершившихся аннуляцией греческих свобод (146 г. до н. э.).

²⁸ Пирр – царь Эпира (295–272 гг. до н. э.). Одержал ряд тяжелых побед («пирровых побед») в войнах в Италии и Сицилии,

огромного труда удержать завоеванные ими страны. Причина тут не в большей или меньшей доблести победителя, а в различном устройстве завоеванных государств.

Глава V. Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружелюбность города государю.

Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом.

Обратимся к примеру Спарты и Рима. Спартанцы удерживали Афины и Фивы, создав там олигархию²⁹, однако впоследствии потеряли оба города. Римляне, чтобы удержать Капуя, Карфаген и Нуманцию, разрушили их³⁰ и сохранили их в своей власти. Грецию они попытались удержать почти тем же способом, что спартанцы, то есть установили там олигархию и не отняли

но в итоге утратил все, им завоеванное.

²⁹ После победы в Пелопоннесской войне (в 404 г. до н. э.) Спарта установила в Афинах правительство тридцати тиранов, продержавшееся всего лишь 2 года; в Фивах же проспартанское правительство получило власть в результате предательства и сумело продержаться у власти в 382–379 гг. до н. э..

³⁰ Нуманция, город в древней Кельтиберии (Северная Испания), был разрушен в 133 г. до н. э., а Капуя разрушена не была. В 211 г. до н. э. римляне в наказание лишили этот город всех муниципальных привилегий, конфисковали общественную и частную собственность и казнили отцов города.

свободу и право жить по своим законам, однако же потерпели неудачу и, чтобы не потерять всю Грецию, вынуждены были разрушить в ней многие города³¹.

Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти.

Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить, как сделала Пиза³² через сто лет после того, как подпала под владычество флорентийцев.

Но если город или страна привыкли состоять под властью государя, а род его истреблен, то жители города не так-то легко возмутся за оружие, ибо, с одной стороны, привыкнув повиноваться, с другой – не имея старого государя, они не сумеют ни договориться об избрании нового, ни жить свободно. Так что у завоевателя будет достаточно времени, чтобы расположить их к себе и тем обеспечить себе безопасность. Тогда как в республиках больше жизни, больше ненависти, больше жажды мести; в них никогда не умирает и не может умереть память о былой свободе. Поэтому самое верное средство удержать их в своей власти – разрушить их или же в них поселиться.

³¹ Разрушены были Фивы (167 г. до н. э.) и Коринф (146 г. до н. э.), а многие города разграблены.

³² В 1405 г. Пиза была куплена Флоренцией у Висконти, в 1494 г. взбунтовалась и в 1509 г. вновь подчинена.

Глава VI. О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью

Нет ничего удивительного в том, что, говоря о завоевании власти, о государе и государстве, я буду ссылаться на примеры величайших мужей. Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравняться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа.

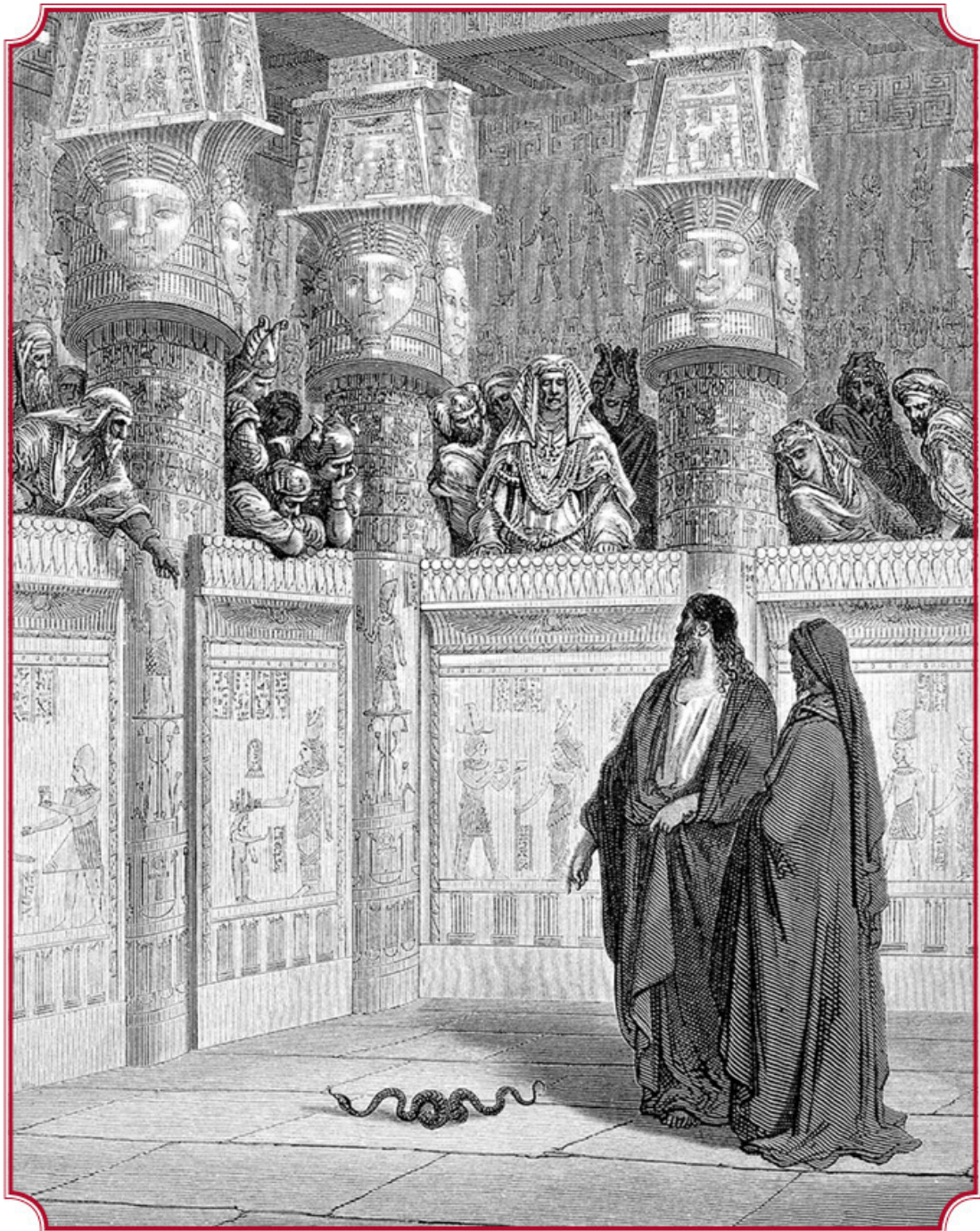
Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела ушла вверх, а для того, чтобы, зная силу лука, с помощью высокого прицела попасть в отдаленную цель.

Итак, в новых государствах удерживать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового государя. Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они же в равной мере помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти. Еще облегчается дело и благодаря тому, что новый государь, за неимением других владений, вынужден поселиться в завоеванном.

Но, переходя к тем, кто приобрел власть не милостью судьбы, а личной доблестью, как наидостойнейших я назову Моисея, Кира, Тезея³³ и им подобных. И хотя о Моисее нет надобности рассуждать, ибо он был лишь исполнителем воли Всевышнего, однако следует преклониться перед той благодатью, которая сделала его достойным собеседовать с Богом.

Но обратимся к Киру и прочим завоевателям и основателям царства: их величию нельзя не дивиться, и, как мы видим, дела их и установления не уступают тем, что были внушены Моисею свыше. Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай.

³³ *Моисей* (XIII в. до н. э.) – полулегендарный израильский законодатель. *Кир Великий* – осуществил переворот, после которого Мидийская империя прекратила свое существование и уступила место Персидской империи (556–550 гг. до н. э.). *Тезей (Тесей)* (XII в. до н. э.) – мифический герой и царь Афин.

*Гюстав Доре. Моисей и Аарон перед фараоном.
1866 г.*

Моисей не убедил бы народ Израиля следовать за собой, дабы выйти из неволи, если бы не застал его в Египте в рабстве и угнетении у египтян. Ромул³⁴ не стал бы царем Рима и основателем государства, если бы не был по рождении брошен на произвол судьбы и если бы Альба не оказалась для него слишком тесной.

³⁴ Ромул (VIII в. до н. э.) – легендарный основатель Рима.

Кир не достиг бы такого величия, если бы к тому времени персы не были озлоблены господством мидян, а мидяне – расслаблены и изнежены от долгого мира³⁵. Тезей не мог бы проявить свою доблесть, если бы не застал афинян живущими обособленно друг от друга. Итак, каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье.

Кто, подобно этим людям, следует путем доблести, тому трудно завоевать власть, но легко ее удержать; трудность же состоит прежде всего в том, что им приходится вводить новые установления и порядки, без чего нельзя основать государство и обеспечить себе безопасность. А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.

Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне – законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности.

Чтобы основательнее разобраться в этом деле, надо начать с того, самодостаточны ли такие преобразователи или они зависят от поддержки со стороны; иначе говоря, должны ли они для успеха своего начинания упрашивать или могут применить силу. В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача. Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли. Ибо, в добавление к сказанному, надо иметь в виду, что нрав людей непостоянен и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно.

Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой. Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с фратти Джироламо Савонаролой³⁶: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил.

На пути людей, подобных тем, что я здесь перечислил, встает множество трудностей и множество опасностей, для преодоления которых требуется великая доблесть. Но если цель достигнута, если государь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье.

К столь высоким примерам я хотел бы присовокупить пример более скромный, однако же сопоставимый, и думаю, что его здесь достаточно. Я говорю о Героне Сиракузском³⁷: из частного лица он стал царем Сиракуз, хотя судьба не подарила его ничем, кроме благоприятного случая: угнетаемые жители Сиракуз избрали его своим военачальником, он же, благодаря своим заслугам, сделался их государем.

Еще до возвышения он отличался такой доблестью, что, по словам древнего автора, «*nil illi deerat ad regnandum praeter regnum*»³⁸. Он упразднил старое ополчение и набрал новое, расторг старые союзы и заключил новые. А на таком фундаменте, как собственное войско и

³⁵ Мир длился сорок лет, до 560 г. до н. э.

³⁶ *Джироламо Савонарола* (1452–1498) – доминиканский монах, религиозный оратор, один из вождей и организаторов Флорентийской республики после изгнания Медичи (1494); в 1497 г. был отлучен от Церкви, а 23 мая 1498 г. повешен и сожжен.

³⁷ *Герон Сиракузский Младший* (ок. 306–215 гг. до н. э.) – сиракузский стратег, затем тиран (с 265 г. до н. э.), союзник карфагенян в I Пунической войне. Сведения о нем Макиавелли черпал у Полибия (VII, 8).

³⁸ «Для царствования ему не доставало лишь царства» (*лат.*) – Юстин «Всемирная история». XXIII, 4.

собственные союзники, он мог воздвигнуть любое здание. Так что ему великих трудов стоило завоевать власть и малых – ее удержать.

Глава VII. О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы

Тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии. Я говорю о тех гражданах, которым власть досталась за деньги или была пожалована в знак милости. Такое нередко случалось в Греции в городах Ионии и Геллеспонта, куда Дарий назначал правителей ради своей славы и безопасности³⁹; так нередко бывало и в Риме, где частные лица добивались провозглашения себя императорами⁴⁰, подкупая солдат.

В этих случаях государи всецело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил, крайне непостоянных и прихотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют. Не умеют оттого, что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, негде научиться повелевать; не могут оттого, что не имеют союзников и надежной опоры.

Эти невесты откуда взявшиеся властители, как все в природе, что зарождается и растет слишком скоро, не успевают пустить ни корней, ни ответвлений, почему и гибнут от первой же непогоды. Только тот, кто обладает истинной доблестью, при внезапном возвышении сумеет не упустить того, что фортуна сама вложила ему в руки, то есть сумеет, став государем, заложить те основания, которые другие закладывали до того, как достигнуть власти.

³⁹ Греческие города в Малой Азии (Ионии) и близ Дарданелл входили в число сатрапий Персидской империи.

⁴⁰ См. гл. XIX.

Обе эти возможности возвыситься – благодаря доблести или милости судьбы – я покажу на двух примерах, равно нам памятных: я имею в виду Франческо Сфорца и Чезаре Борджа. Франческо стал миланским герцогом должным образом, выказав великую доблесть, и без труда удержал власть, доставшуюся ему ценой многих усилий.

Чезаре Борджа, простонародьем называемый герцог Валентино, приобрел власть благодаря фортуне, высоко вознесшей его отца; но, лишившись отца, он лишился и власти несмотря на то, что, как человек умный и доблестный, приложил все усилия и все старания, какие были возможны, к тому, чтобы пустить прочные корни в государствах, добытых для него чужим оружием и чужой фортуной. Ибо, как я уже говорил, если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания.

Рассмотрев образ действий герцога, нетрудно убедиться в том, что он подвел прочное основание под будущее могущество, и я считаю не лишним это обсудить, ибо не мыслю лучшего наставления новому государю. И если все же распорядительность герцога не спасла его от крушения, то в этом повинен не он, а поистине необычайное коварство фортуны.

Александр VI желал возвысить герцога, своего сына, но предвидел тому немало препятствий и в настоящем, и в будущем. Прежде всего, он знал, что располагает лишь теми владениями, которые подвластны Церкви, но всякой попытке отдать одно из них герцогу воспротивились бы как герцог Миланский, так и венецианцы⁴¹, которые уже взяли под свое покровительство Фаэнцу и Римини. Кроме того, войска в Италии, особенно те, к чьим услугам можно было прибегнуть, сосредоточились в руках людей, опасавшихся усиления Папы, то есть Орсини, Колонна и их приспешников.

Таким образом, прежде всего надлежало расстроить сложившийся порядок и посеять смуту среди государств, дабы беспрепятственно овладеть некоторыми из них. Сделать это оказалось легко благодаря тому, что венецианцы, в собственных интересах, призвали в Италию французов, чему Папа не только не помешал, но даже содействовал, расторгнув прежний брак короля Людовика.

Итак, король вступил в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра и, едва достигнув Милана, тотчас выслал Папе отряд, с помощью которого тот захватил Романью⁴², что сошло ему с рук только потому, что за ним стоял король. Таким образом Романья оказалась под властью герцога, а партии Колонна было нанесено поражение, но пока что герцог не мог следовать дальше, ибо оставалось два препятствия: во-первых, войско, казавшееся ему ненадежным, во-вторых, намерения Франции.

Иначе говоря, он опасался, что войско Орсини, которое он взял на службу, выбьет у него почву из-под ног, то есть либо покинет его, либо, того хуже, отнимет завоеванное; и что точно так же поступит король. В солдатах Орсини он усомнился после того, как, взяв Фаэнцу⁴³, двинул их на Болонью⁴⁴ и заметил, что они вяло наступают; что же касается короля, то он понял его намерения, когда после взятия Урбино⁴⁵ двинулся к Тоскане, и тот вынудил его отступить. Поэтому герцог решил более не рассчитывать ни на чужое оружие, ни на чье-либо покровительство.

Первым делом он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме: всех нобилей, державших их сторону, переманил к себе на службу, определив им высокие жалованья, и, сообразно достоин-

⁴¹ Людовико Моро поддерживал свою племянницу Катерину, графиню Форли, и своего родственника Джованни Сфорца, правителя Пезаро, а Венеция сама стремилась к захвату Романьи.

⁴² В ноябре 1499 г. – апреле 1501 г.

⁴³ 25 апреля 1501 г.

⁴⁴ 30 апреля 1501 г. Чезаре Борджа захватил Болонский замок, но вынужден был примириться с Джованни Бентивольи, так как Людовик XII отнесся неодобрительно к этому его предприятию.

⁴⁵ В июне 1502 г.

ствам, раздал места в войске и управлении, так что в несколько месяцев они отстали от своих партий и обратились в приверженцев герцога. После этого он стал выжидать возможности разделиться с главарями партии Орсини, еще раньше покончив с Колонна.

Случай представился хороший, а воспользовался он им и того лучше. Орсини, спохватившиеся, что усиление Церкви грозит им гибелью, собрались на совет в Маджоне⁴⁶, близ Перуджи. Этот совет имел множество грозных последствий для герцога – прежде всего, бунт в Урбино и возмущение в Романье, с которыми он, однако, справился благодаря помощи французов.

Восстановив прежнее влияние, герцог решил не доверять более ни Франции, ни другой внешней силе, чтобы впредь не подвергать себя опасности, и прибег к обману. Он так отвел глаза Орсини, что те сначала примирились с ним через посредство синьора Паоло – которого герцог принял со всевозможными изъявлениями учтивости и одарил одеждой, лошадьми и деньгами, а потом в Синигалии сами простодушно отдались ему в руки.

Так, разделившись с главарями партий и переманив к себе их приверженцев, герцог заложил весьма прочное основание своего могущества: под его властью находилась вся Романья с герцогством Урбино и, что особенно важно, он был уверен в приязни к нему народа, испытывавшего благодетельность его правления.

Эта часть действий герцога достойна внимания и подражания, почему я желал бы остановиться на ней особо. До завоевания Романьи находилась под властью ничтожных правителей, которые не столько пеклись о своих подданных, сколько обирали их и направляли не к согласию, а к раздорам, так что весь край изнемогал от грабежей, усобиц и беззаконий. Завоевав Романью, герцог решил отдать ее в надежные руки, дабы умиротворить и подчинить верховной власти, и с тем вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко⁴⁷, человеку нрава резкого и крутого.

Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу. Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных, и учредил, под председательством почтенного лица, гражданский суд, в котором каждый город был представлен защитником.

Но, зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади в Чезене по его приказу положили разрубленное пополам тело мессера Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ.

⁴⁶ Об этом заговоре см. Н. Макиавелли «Описание того, как избавился герцог Валентине от Вителлоццо Вителли, Оливотто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини».

⁴⁷ *Рамиро де Орко* – Рамиро де Лорква (умер в 1502 г.), мажордом Чезаре Борджа, затем наместник Романьи.

*Кристофано дель Альтиссимо. Портрет папы
Александра VI. 1552—1589 гг.*

Но вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, герцог обрел собственных солдат и разгромил добрую часть тех войск, которые в силу соседства представляли для него угрозу, чем утвердил свое могущество и отчасти обеспечил себе безопасность; теперь на его пути стоял только король Франции: с опозданием заметив свою оплошность, король не потерпел бы дальнейших завоеваний.

Поэтому герцог стал высматривать новых союзников⁴⁸ и уклончиво вести себя по отношению к Франции – как раз тогда, когда французы предприняли поход на Неаполь против испанцев, осаждавших Гаету. Он задумывал развязаться с Францией, и ему бы это весьма скоро удалось, если бы дольше прожил Папа Александр.

Таковы были действия герцога, касавшиеся настоящего. Что же до будущего, то главную угрозу для него представлял возможный преемник Александра, который мог бы не только проявить недружественность, но и отнять все то, что герцогу дал Александр.

Во избежание этого он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами, чтобы не дать новому Папе повода выступить в их защиту; во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти Папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне.

Когда Александр умер, у герцога было исполнено три части замысла, а четвертая была близка к исполнению. Из разоренных им правителей он умертвил всех, до кого мог добраться, и лишь немногим удалось спастись; римских нобилей он склонил в свою пользу; в Коллегии заручился поддержкой большей части кардиналов. Что же до расширения владений, то, задумав стать властителем Тосканы, он успел захватить Перуджу и Пьомбино и взять под свое покровительство Пизу⁴⁹.

К этому времени он мог уже не опасаться Франции – после того как испанцы окончательно вытеснили французов из Неаполитанского королевства, тем и другим приходилось покупать дружбу герцога, так что еще шаг – и он завладел бы Пизой. После чего тут же сдались бы Сиена и Лукка, отчасти из страха, отчасти назло флорентийцам; и сами флорентийцы оказались бы в безвыходном положении.

И все это могло бы произойти еще до конца того года, в который умер Папа Александр, и если бы произошло, то герцог обрел бы такое могущество и влияние, что не нуждался бы ни в чьем покровительстве и не зависел бы ни от чужого оружия, ни от чужой фортуны, но всецело от собственной доблести и силы. Однако герцог впервые обнажил меч всего за пять лет до смерти отца. И успел упрочить власть лишь над одним государством – Романьей, оставшись на полпути к обладанию другими, зажатый между двумя грозными неприятельскими армиями и смертельно больной.

Но столько было в герцоге яростной отваги и доблести, так хорошо умел он привлекать и устранять людей, так прочны были основания его власти, заложенные им в столь краткое время, что он превозмог бы любые трудности – если бы его не теснили с двух сторон враждебные армии или не донимала болезнь. Что власть его покоилась на прочном фундаменте, в этом мы убедились: Романья дожидалась его больше месяца⁵⁰; в Риме, находясь при смерти, он, однако, пребывал в безопасности: Бальони, Орсини и Вителли, явившиеся туда, так никого и не увлекли за собой; ему удалось добиться того, чтобы Папой избрали если не именно того, кого он желал, то по крайней мере не того, кого он не желал.

Не окажись герцог при смерти тогда же, когда умер Папа Александр, он с легкостью одолел бы любое препятствие. В дни избрания Юлия II он говорил мне⁵¹, что все предусмотрел

⁴⁸ В 1503 г. в разгаре франко-испанской войны за Неаполь Александр VI вступил в переговоры с Испанией, которые были прерваны его смертью.

⁴⁹ Пьомбино Чезаре Борджа завладел 3 сентября 1501 г., Перуджей – 6 января 1503 г. и вел переговоры о том, чтобы ему была отдана синьория в Пизе. Флоренция оказывалась в клещах.

⁵⁰ Александр VI умер 18 августа 1503 г., а Юлий II добился от Чезаре Борджа приказа губернаторам романских городов о сдаче в декабре.

⁵¹ Джулиано делла Ровере, кардинал Сан-Пьетро-ин-Винкула, был избран Папой 28 октября 1503 г. (Макиавелли присутствовал на конклаве). В прошлом враг Борджа, он, чтобы заручиться голосами испанских кардиналов, обещал Чезаре сохранение поста гонфалоньера Церкви и подтверждение прав на Романью.

на случай смерти отца, для всякого положения нашел выход, одного лишь не угадал – что в это время и сам окажется близок к смерти.

Обозревая действия герцога, я не нахожу, в чем можно было бы его упрекнуть; более того, мне представляется, что он может послужить образцом всем тем, кому доставляет власть милость судьбы или чужое оружие. Ибо, имея великий замысел и высокую цель, он не мог действовать иначе: лишь преждевременная смерть Александра и собственная его болезнь помешали ему осуществить намерение.

Таким образом, тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам – послушание и уважение, иметь преданное и надежное войско, устранять людей, которые могут или должны навредить; обновлять старые порядки, избавляться от ненадежного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушные и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они либо с учтивостью оказывали услуги, либо воздерживались от нападений, – всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога.

В одном лишь можно его обвинить – в избрании Юлия главой Церкви. Тут он ошибся в расчете, ибо если он не мог провести угодного ему человека, он мог, как уже говорилось, отвести неугодного, а раз так, то ни в коем случае не следовало допускать к папской власти тех кардиналов, которые были им обижены в прошлом или, в случае избрания, могли бы бояться его в будущем.

Ибо люди мстят либо из страха, либо из ненависти. Среди обиженных им были Сан-Пьетро-ин-Винкула, Колонна, Сан-Джорджо, Асканио⁵²; все остальные, взойдя на престол, имели бы причины его бояться. Исключение составляли испанцы и кардинал Руанский, те – в силу родственных уз и обязательств, этот – благодаря могуществу стоявшего за ним Французского королевства.

Поэтому в первую очередь надо было позаботиться об избрании кого-нибудь из испанцев, а в случае невозможности – кардинала Руанского, но уж никак не Сан-Пьетро-ин-Винкула. Заблуждается тот, кто думает, что новые благодеяния могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах. Так что герцог совершил оплошность, которая в конце концов и привела его к гибели.

⁵² *Сан-Пьетро-ин-Винкула* – будущий Юлий II; *Колонна* – Джованни Колонна (умер в 1508 г.), кардинал с 1480 г., апостольский прототарий; *Сан-Джорджо* – Раффаэлло Риарио (умер в 1521 г.), кардинал Сан-Джорджо-ин-Велабро, деверь Катерины Форлийской; *Асканио* – Асканио Сфорца (умер в 1505 г.), сын герцога Франческо Сфорца.

Глава VIII. О тех, кто приобретает власть злодеяниями

Но есть еще два способа сделаться государем – не сводимые ни к милости судьбы, ни к доблести; и опускать их, как я полагаю, не стоит, хотя об одном из них уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках. Я разумею случаи, когда частный человек достигает верховной власти путем преступлений либо в силу благоволения к нему сограждан. Говоря о первом способе, я сошлюсь на два случая – один из древности, другой из современной жизни – и тем ограничусь, ибо полагаю, что и этих двух достаточно для тех, кто ищет примера.

Сицилиец Агафокл⁵³ стал царем Сиракуз, хотя вышел не только из простого, но из низкого и презренного звания. Он родился в семье горшечника и вел жизнь бесчестную, но смолоду отличался такой силой духа и телесной доблестью, что, вступив в войско, постепенно выслужился до претора Сиракуз. Утвердясь в этой должности, он задумал сделаться властителем Сиракуз и таким образом присвоить себе то, что было ему вверено по доброй воле.

Посвятив в этот замысел Гамилькара Карфагенского⁵⁴, находившегося в то время в Сицилии, он созвал однажды утром народ и сенат Сиракуз, якобы для решения дел, касающихся республики; и когда все собрались, то солдаты его по условленному знаку перебили всех сенаторов и богатейших людей из народа. После такой расправы Агафокл стал властвовать, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны граждан.

И хотя он был дважды разбит карфагенянами и даже осажден их войском, он не только не сдал город, но, оставив часть людей защищать его, с другой – вторгся в Африку; в короткое время освободил Сиракузы от осады и довел карфагенян до крайности, так что они вынуждены были заключить с ним договор, по которому ограничивались владениями в Африке и уступали Агафоклу Сицилию.

⁵³ Агафокл (ок. 361–289 гг. до н. э.) – тиран Сиракуз (с 317 г. до н. э.). Сведения Макиавелли из Юстина (XXII).

⁵⁴ Гамилькар (умер в 309 г. до н. э.) – карфагенский военачальник, воевал в Сицилии в 319–313 гг. до н. э.

Вдумавшись, мы не найдем в жизни и делах Агафокла ничего или почти ничего, что бы досталось ему милостью судьбы, ибо, как уже говорилось, он достиг власти не чьим-либо покровительством, но службой в войске, сопряженной с множеством опасностей и невзгод, и удержал власть смелыми действиями, проявив решительность и отвагу. Однако же нельзя назвать и доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу.

Так что, если судить о нем по той доблести, с какой он шел навстречу опасности, по той силе духа, с какой он переносил невзгоды, то едва ли он уступит любому прославленному военачальнику, но, памятуя его жестокость и бесчеловечность и все совершенные им преступления, мы не можем приравнять его к величайшим людям. Следовательно, нельзя приписать ни милости судьбы, ни доблести то, что было добыто без того и другого.

Уже в наше время, при Папе Александре, произошел другой случай. Оливеротто из Фермо⁵⁵, в младенчестве осиротевший, вырос в доме дяди с материнской стороны по имени Джованни Фольяни; еще в юных летах он вступил в военную службу под начало Паоло Вителли⁵⁶, с тем чтобы, освоившись с военной наукой, занять почетное место в войске. По смерти Паоло он перешел под начало брата его Вителлоццо⁵⁷ и весьма скоро, как человек сообразительный, сильный и храбрый, стал первым лицом в войске.

Однако, полагая унизительным подчиняться другим, он задумал овладеть Фермо – с благословения Вителли и при пособничестве нескольких сограждан, которым рабство отечества было милее его свободы. В письме к Джованни Фольяни он объявил, что желал бы после многолетнего отсутствия навестить дядю и родные места, а заодно определить размеры наследства; что в трудах своих он не помышляет ни о чем, кроме славы, и, желая доказать согражданам, что не впустую растратил время, испрашивает позволения въехать с почетом – со свитой из ста всадников, его друзей и слуг, – пусть, мол, жители Фермо тоже не откажут ему в почетном приеме, что было бы лестно не только ему, но и дяде его, заменившему ему отца.

Джованни Фольяни исполнил все, как просил племянник, и позаботился о том, чтобы горожане встретили его с почестями. Тот, поселившись в собственном доме, выждал несколько дней, пока закончатся приготовления к задуманному злодейству, и устроил торжественный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех именитых людей Фермо. После того как покончили с угощениями и с принятыми в таких случаях увеселениями, Оливеротто с умыслом повел опасные речи о предприятиях и величии Папы Александра и сына его Чезаре.

Но когда Джованни и другие стали ему отвечать, он вдруг поднялся и, заявив, что подобные разговоры лучше продолжить в укромном месте, удалился внутрь покоев, куда за ним последовали дядя и другие именитые гости. Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом промчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повиновался и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил властителем города⁵⁸.

Истребив тех, кто по недовольству мог ему повредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Фермо, но и стал грозой всех соседей. Выбить его из города было бы так же трудно, как Агафокла, если бы его не перехитрил Чезаре Борджа, который в Синигалии, как уже рассказывалось, заманил в ловушку главарей Орсини и Вителли; Оливеротто приехал туда вместе

⁵⁵ *Оливеротто да Фермо* – Оливеротто Эуфредуччи (1475–1502), кондотьер на службе у Чезаре Борджа, овладел городом Фермо, убив своего дядю.

⁵⁶ *Паоло Вителли* – флорентийский военачальник, сменивший на этом посту Рануччо да Марчано и казненный по обвинению в измене (1499).

⁵⁷ *Вителлоццо Вителли* (умер в 1502 г.) – правитель Читта-ди-Кастелло, кондотьер на флорентийской службе (1498–1499), затем на службе у Чезаре Борджа.

⁵⁸ Захват Фермо произошел 26 декабря 1501 г.

с Вителлоццо, своим наставником в доблести и в злодействах, и там вместе с ним был удушен, что произошло через год после описанного отцеубийства.

Кого-то могло бы озадачить, почему Агафоклу и ему подобным удавалось, проложив себе путь жестокостью и предательством, долго и благополучно жить в своем отечестве, защищать себя от внешних врагов и не стать жертвой заговора со стороны сограждан, тогда как многим другим не удавалось сохранить власть жестокостью даже в мирное, а не то что в смутное военное время. Думаю, дело в том, что жестокость жестокости рознь.

Жестокость применена хорошо в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. Действуя первым способом, можно, подобно Агафоклу, с Божией и людской помощью удержать власть; действуя вторым – невозможно.

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид.

Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

Глава IX. О гражданском единовластии

Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан – для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие – его можно назвать гражданским – учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились бы два этих начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо безначалием, либо свободой.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вожеления. Так же и народ, видя, что не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий.

Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один, и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно – требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным. Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделывать, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна.

Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале.

Эту последнюю часть разьясню подробнее. С людьми знатными надлежит поступать так, как поступают они. С их же стороны возможны два образа действий: либо они показывают, что готовы разделить судьбу государя, либо нет. Первых, если они не корыстны, надо почитать и ласкать, что до вторых, то здесь следует различать два рода побуждений.

Если эти люди ведут себя таким образом по малодушию и природному отсутствию решимости, ими следует воспользоваться, в особенности теми, кто сведущ в каком-либо деле. Если же они ведут себя так умышленно, из честолюбия, то это означает, что они думают о себе больше, нежели о государе. И тогда их надо остерегаться и бояться не меньше, чем явных противников, ибо в трудное время они всегда помогут погубить государя.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту.

Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут. Набид⁵⁹, правитель Спарты, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоносного римского войска и отстоял власть и отечество; между тем с приближением опасности ему пришлось устранить всего нескольких лиц, тогда как если бы он враждовал со всем народом, он не мог бы ограничиться столь малым.

И пусть мне не возражают на это расхожей поговоркой, что, мол, на народ надеяться – что на песке строить. Поговорка верна, когда речь идет о простом гражданине, который, опираясь на народ, тешит себя надеждой, что народ его вызволит, если он попадет в руки врагов или магистрата. Тут и в самом деле можно обмануться, как обманулись Гракхи в Риме⁶⁰ или мессер Джорджо Скали⁶¹ во Флоренции.

Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры.

Обычно в таких случаях власть государя оказывается под угрозой при переходе от гражданского строя к абсолютному – так как государи правят либо посредством магистрата, либо единолично. В первом случае положение государя слабее и уязвимее, ибо он всецело зависит от воли граждан, из которых состоит магистрат, они же могут лишить его власти в любое, а тем более в трудное, время, то есть могут либо выступить против него, либо уклониться от выполнения его распоряжений.

И тут, перед лицом опасности, поздно присваивать себе абсолютную власть, так как граждане и подданные, привыкнув исполнять распоряжения магистрата, не станут в трудных обстоятельствах подчиняться приказаниям государя. Оттого-то в тяжелое время у государя всегда будет недостаток в надежных людях, ибо нельзя верить тому, что видишь в спокойное время, когда граждане нуждаются в государстве: тут каждый спешит с посулами, каждый, благо смерть далеко, изъявляет готовность пожертвовать жизнью за государя, но когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного.

И подобная проверка тем опасней, что она бывает всего однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность.

⁵⁹ *Набид* – тиран Спарты (ок. 205–192 гг. до н. э.), противник Ахейского союза, выступал вначале на стороне Филиппа Македонского и римлян, затем переметнулся на сторону Антиоха III. Осажденный в Спарте римлянами, был вынужден принять их условия мира (195 г. до н. э.). Источник Макиавелли – Тит Ливий (XXIV, 22–40).

⁶⁰ *Тибериус Семпроний Гракх* (162–133 гг. до н. э.) – народный трибун в 133 г. до н. э., инициатор демократической земельной реформы, убит патрициями; *Гай Семпроний Гракх* (154–121 гг. до н. э.) – народный трибун в 123 г. до н. э., продолжил дело брата и так же, как он, погиб в бою с оптиматами. См. о них: «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», I, XXXVII.

⁶¹ *Джорджо Скали* – один из вождей пополанов во время восстания чомпи во Флоренции (1378), обезглавлен в 1382 г.

Глава X. Как следует измерять силы всех государств

Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны. Поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей или денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдерживать сражение с любым неприятелем; нуждающимися в помощи я называю тех, кто не может выйти против неприятеля в поле и вынужден обороняться под прикрытием городских стен. Что делать в первом случае – о том речь впереди, хотя кое-что уже сказано выше.

Что же до второго случая, то тут ничего не скажешь, кроме того, что государю надлежит укреплять и снаряжать всем необходимым город, не принимая в расчет прилегающую округу. Если государь хорошо укрепит город и будет обращаться с подданными так, как описано выше и будет добавлено ниже, то соседи остерегутся на него нападать. Ибо люди – враги всяких затруднительных предприятий, а кому же покажется легким нападение на государя, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен.

Города Германии, одни из самых свободных, имеют небольшие округа, повинуются императору, когда сами того желают, и не боятся ни его, ни кого-либо другого из сильных

соседей, так как достаточно укреплены для того, чтобы захват их всякому показался трудным и изнурительным делом⁶².

Они обведены добротными стенами и рвами, имеют артиллерии сколько нужно и на общественных складах держат годовой запас продовольствия, питья и топлива; кроме того, чтобы прокормить простой народ, не истощая казны, они заготавливают на год работы в тех отраслях, которыми живет город, и в тех ремеслах, которыми кормится простонародье. Военное искусство у них в чести, и они поощряют его разными мерами.

Таким образом, государь, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен, не может подвергнуться нападению. Но если это и случится, неприятель принужден будет с позором ретироваться, ибо все в мире меняется с такой быстротой, что едва ли кто-нибудь сможет год продержаться войско в праздности, осаждая город. Мне возразят, что если народ увидит, как за городом горят его поля и жилища, он не выдержит долгой осады, ибо собственные заботы возьмут верх над верностью государю.

На это я отвечу, что государь сильный и смелый одолеет все трудности, то внушая подданным надежду на скорое окончание бедствий, то напоминая им о том, что враг беспощаден, то осаживая излишне строптивых. Кроме того, неприятель обычно сжигает и опустошает поля при подходе к городу, когда люди еще разгорячены и полны решимости не сдаваться; когда же через несколько дней пыл поостынет, то урон уже будет нанесен и зло содеяно.

А тогда людям ничего не останется, как держаться своего государя, и сами они будут ожидать от него благодарности за то, что, защищая его, позволили сжечь свои дома и разграбить имущество. Люди же по натуре своей таковы, что не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им. Так, по рассмотрении всех обстоятельств, скажу, что разумный государь без труда найдет способы укрепить дух горожан во все время осады, при условии что у него хватит чем прокормить и оборонить город.

⁶² В Германии Макиавелли не был, но во время своего посольства к императору Максимилиану посетил Швейцарию и Тироль (январь – июнь 1508 г.).

Глава XI. О церковных государствах

Нам остается рассмотреть церковные государства, о которых можно сказать, что овладеть ими трудно, ибо для этого требуется доблесть или милость судьбы, а удержать легко, ибо для этого не требуется ни того, ни другого. Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти, независимо от того, как те живут и поступают.

Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и однако же на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготятся своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье.

Но так как государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не достигает, то говорить о них я не буду; лишь самонадеянный и дерзкий человек мог бы взяться рассуждать о том, что возвеличено и хранимо Богом.

Однако же меня могут спросить, каким образом Церковь достигла такого могущества, что ее боится король Франции, что ей удалось изгнать его из Италии⁶³ и разгромить венецианцев⁶⁴, тогда как раньше с ее светской властью не считались даже мелкие владетели и бароны, не говоря уж о крупных государствах Италии. Если меня спросят об этом, то, хотя все эти события хорошо известны, я сочту нелишним напомнить, как было дело.

Перед тем как Карл, французский король, вторгся в Италию, господство над ней было поделено между Папой, венецианцами, королем Неаполитанским, герцогом Миланским и флорентийцами. У этих властителей было две главные заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужеземцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах. Наибольшие подозрения внушали венецианцы и Папа.

Против венецианцев прочие образовали союз, как это было при защите Феррары⁶⁵; против Папы использовались римские бароны. Разделенные на две партии – Колонна и Орсини, – бароны постоянно затевали свары и, потрясая оружием на виду у главы Церкви, способствовали слабости и неустойчивости папства. Хотя кое-кто из Пап обладал мужеством, как, например, Сикст⁶⁶, никому из них при всей опытности и благоприятных обстоятельствах не удавалось избавиться от этой напасти.

Виной тому – краткость их правления, ибо за те десять лет, что в среднем проходили от избрания Папы до его смерти, ему насилу удавалось разгромить лишь одну из враждующих партий. И если Папа успевал, скажем, почти разгромить приверженцев Колонна, то преемник его, будучи сам врагом Орсини, давал возродиться партии Колонна и уже не имел времени разгромить Орсини. По этой самой причине в Италии невысоко ставили светскую власть Папы.

Но когда на папский престол вззошел Александр VI, он куда более всех своих предшественников сумел показать, чего может добиться глава Церкви, действуя деньгами и силой. Воспользовавшись приходом французов, он совершил посредством герцога Валентино все то, о чем я рассказывал выше – там, где речь шла о герцоге.

Правда, труды его были направлены на возвеличение не Церкви, а герцога, однако же они обернулись величием Церкви, которая унаследовала плоды его трудов после смерти Алек-

⁶³ Благодаря организации Святой Лиги (1511).

⁶⁴ С помощью Камбрейской Лиги (1508).

⁶⁵ То есть во время «соляной» войны (1482), в которой на стороне Феррары выступили Неаполь, Флоренция, Милан, Мантуя, Урбино и затем Сикст IV, вначале союзник венецианцев. Война завершилась Баньольским миром (1484), по которому Венеции отошли Полезина и Ровиго.

⁶⁶ То есть *Франческо делла Ровере* (1414–1484) – генерал францисканцев, Папа под именем Сикста IV (с 1471 г.), известный своим nepотизмом.

сандра и устранения герцога. Папа Юлий застал по восшествии могучую Церковь: она владела Романьей, смирила римских баронов, чьи партии распались под ударами Александра, и, сверх того, открыла новый источник пополнения казны, которым не пользовался никто до Александра.

Все это Юлий не только продолжил, но и придал делу больший размах. Он задумал присоединить Болонью⁶⁷, сокрушить Венецию и прогнать французов и осуществил этот замысел, к тем большей своей славе, что радел о величии Церкви, а не частных лиц. Кроме того, он удержал партии Орсини и Колонна в тех пределах, в каких застал их; и хотя кое-кто из глав-рей готов был посеять смуту, но их удерживало, во-первых, могущество Церкви, а во-вторых – отсутствие в их рядах кардиналов, всегда бывавших зачинщиками раздоров.

Никогда между этими партиями не будет мира, если у них будут свои кардиналы: разжигая в Риме и вне его вражду партий, кардиналы втягивают в нее баронов, и так из властолюбия прелатов рождаются распри и усобицы среди баронов.

Его святейшество Папа Лев⁶⁸ воспринял, таким образом, могучую Церковь; и если его предшественники возвеличили папство силой оружия, то нынешний глава Церкви внушает нам надежду на то, что возвеличит и прославит его еще больше своей добротой, доблестью и многообразными талантами.

Глава XII. О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах

Выше мы подробно обсудили разновидности государств, названные мною в начале; отчасти рассмотрели причины благоденствия и крушения государей; выяснили, какими способами действовали те, кто желал завоевать и удержать власть. Теперь рассмотрим, какими средствами

⁶⁷ Юлий II вступил в Болонью 11 ноября 1506 г.

⁶⁸ Джованни де Медичи (1475–1521) – сын Лоренцо Великолепного, Папа (с 1513 г.) под именем Льва X.

нападения и защиты располагает любое из государств, перечисленных выше. Ранее уже говорилось о том, что власть государя должна покоиться на крепкой основе, иначе она рухнет.

Основой же власти во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых – служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы, поэтому, минуя законы, яперехожу прямо к войску.

Начну с того, что войско, которым государь защищает свою страну, бывает либо собственным, либо союзническим, либо наемным, либо смешанным. Наемные и союзнические войска бесполезны и опасны; никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ибо наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы; поражение их отсрочено лишь настолько, насколько отсрочен решительный приступ; в мирное же время они разорят тебя не хуже, чем в военное – неприятель.

Объясняется это тем, что не страсть и не какое-либо другое побуждение удерживает их в бою, а только скудное жалованье, что, конечно, недостаточно для того, чтобы им захотелось пожертвовать за тебя жизнью. Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают тыл и бегут.

Надо ли доказывать то, что и так ясно: чем иным вызвано крушение Италии, как не тем, что она долгие годы довольствовалась наемным оружием? Кое для кого наемники действовали с успехом и не раз красовались отвагой друг перед другом, но когда вторгся чужеземный враг, мы увидели, чего они стоят на деле. Так что Карлу, королю Франции, и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела⁶⁹. А кто говорил, что мы терпим за грехи наши, сказал правду⁷⁰, только это не те грехи, какие он думал, а те, которые я перечислил. И так как это были грехи государей, то и расплачиваться пришлось им же.

Я хотел бы объяснить подробнее, в чем беда наемного войска. Кондотьеры по-разному владеют своим ремеслом: одни – превосходно, другие – посредственно. Первым нельзя довериться потому, что они будут сами домогаться власти и ради нее свергнут либо тебя, их хозяина, либо другого, но не справившись о твоих намерениях. Вторым нельзя довериться потому, что они проиграют сражение. Мне скажут, что того же можно ждать от всякого, у кого в руках оружие, – наемник он или нет.

На это я отвечу: войско состоит в ведении либо государя, либо республики; в первом случае государь должен лично возглавить войско, приняв на себя обязанности военачальника; во втором случае республика должна поставить во главе войска одного из граждан; и если он окажется плох – сместить его, в противном случае – ограничить законами, дабы не преступал меры. Мы знаем по опыту, что только государи-полководцы и вооруженные республики добивались величайших успехов, тогда как наемники приносили один вред.

⁶⁹ Мелом квартиреры отмечали дома, отведенные под постой. (По сообщению французского историка Филиппа де Коммина, эта острота принадлежит Александру VI.)

⁷⁰ Это говорил Савонарола в проповеди 1 ноября 1494 г., когда Карл VIII приближался к Флоренции.

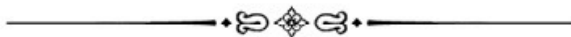

Карфаген после окончания I Пунической войны (264—241 гг. до н. э.) охватило восстание, которое подняли карфагенские войска, отправленные на родину из Сицилии без обещанного жалованья; к ним присоединились ливийские племена. Восстание переросло в ожесточенную войну, которая окончилась только в 237 гг. до н. э.

Герцог Миланской Филиппо Мария Висконти, последний представитель этой династии, умер в 1447 г. Три следующих года оказались голодными, миланцы подняли бунт, и городские власти решили передать герцогство *Франческо Сфорца*.

Филипп II, царь Македонии в 356—336 гг. до н. э., предводитель фессалийцев и фиванцев во время III Священной войны (ок. 354 г. до н. э.), позднее выступил против Фив и в 346 г. до н. э. покорил их.

Отец Франческо Сфорца, *Муцио Аттендоло Сфорца* (1369—1424), кондотьер на службе у Неаполитанского короля Владислава и его сестры и наследницы Джованны II, в 1420 г. перешел к Папе Мартину V. Королева Неаполитанская, чтобы обеспечить себе заступничество испании, усыновила и объявила наследником Альфонса V Арагонского (ок. 1396—1458 гг.).

Рим и Спарта много веков простояли вооруженные и свободные. Швейцарцы лучше всех вооружены и более всех свободны. В древности наемников призывал Карфаген, каковой чуть не был ими захвачен после окончания первой войны с Римом, хотя карфагеняне поставили во главе войска своих же граждан.

После смерти Эпаминонда фиванцы пригласили Филиппа Македонского возглавить их войско, и тот, вернувшись победителем, отнял у Фив свободу. Миланцы по смерти герцога Филиппа призвали на службу Франческо Сфорца, и тот, разбив венецианцев при Караваджо⁷¹, соединился с неприятелем против миланцев, своих хозяев. Сфорца, его отец, состоя на службе у Джованны, королевы Неаполитанской, внезапно оставил ее безоружной, так что, спасая королевство, она бросилась искать заступничества у короля Арагонского.

Мне скажут, что венецианцы и флорентийцы не раз утверждали свое владычество, пользуясь наемным войском, и, однако, кондотьеры их не стали государями и честно защищали хозяев. На это я отвечу, что флорентийцам попросту везло: из тех доблестных кондотьеров, которых стоило бы опасаться, одним не пришлось одержать победу, другие имели соперников, третьи домогались власти, но в другом месте.

⁷¹ 15 сентября 1448 г.

Как мы можем судить о верности Джованни Акуто⁷², если за ним не числится ни одной победы, но всякий согласится, что, вернись он с победой, флорентийцы оказались бы в полной его власти. Сфорца и Браччо⁷³ как соперники не спускали друг с друга глаз, поэтому Франческо перенес свои домогательства в Ломбардию, а Браччо – в папские владения и в Неаполитанское королевство. А как обстояло дело недавно? Флорентийцы пригласили на службу Паоло Вителли, человека умнейшего и пользовавшегося огромным влиянием еще в частной жизни. Если бы он взял Пизу, разве не очевидно, что флорентийцам бы от него не отделаться?

Ибо, перейди он на службу к неприятелю, им пришлось бы сдаться; останься он у них, им пришлось бы ему подчиниться.

Что же касается венецианцев, то блестящие и прочные победы они одерживали лишь до тех пор, пока воевали своими силами, то есть до того, как приступили к завоеваниям на материке. Аристократия и вооруженное простонародье Венеции не раз являли образцы воинской доблести, воюя на море, но стоило им перейти на сушу, как они переняли военный обычай всей Италии. Когда их завоевания на суше были невелики и держава их стояла твердо, у них не было поводов опасаться своих кондотьеров, но когда владения их разрослись – а было это при Карманьоле⁷⁴, – то они осознали свою оплошность.

Карманьола был известен им как доблестный полководец – под его началом они разбили миланского герцога, – но, видя, что он тянет время, а не воюет, они рассудили, что победы он не одержит, ибо к ней не стремится, уволить же они сами его не посмеют, ибо побоятся утратить то, что завоевали; вынужденные обезопасить себя каким-либо способом, они его умертвили. Позднее они нанимали Бартоломео да Бергамо, Роберто да Сансеверино, графа ди Питильяно и им подобных, которые внушали опасение не тем, что выиграют, а тем, что проиграют сражение.

Как оно и случилось при Вайла⁷⁵, где венецианцы за один день потеряли все то, что с таким трудом собирали восемь столетий. Ибо наемники славятся тем, что медлительно и вяло наступают, зато с замечательной быстротой отступают. И раз уж я обратился за примером к Италии, где долгие годы хозяйничают наемные войска, то для пользы дела хотел бы вернуться вспять, чтобы выяснить, откуда они пошли и каким образом набрали такую силу.

⁷² *Джованни Акуто* – сэр Джон Хоквуд, англичанин, кондотьер, воевавший в Италии в 1361–1393 гг. вначале на службе у Висконти, затем (с 1377 г.) – у Флоренции.

⁷³ *Браччо (да Мондоне)* – Андреа Фортебраччи (1368–1424), кондотьер, служивший Папе и Альфонсу Арагонскому.

⁷⁴ *Карманьола* – Франческо Буссоне, граф Карманьола (ок. 1380–1432 гг.), кондотьер у Висконти, затем венецианский военачальник, в конце концов обвиненный в измене и казненный.

⁷⁵ При Вайла (или Аньяделло, место в Северной Италии близ Лоди) 14 мая 1509 г. венецианские войска потерпели поражение от войск Камбрейской Лиги.

Бартоломео да Бергамо — Бартоломео Коллеони (1400—1475), кондотьер, служивший у венецианцев в 1431, 1437—1441, 1448 гг. и у Висконти в 1442 г., проигравший битву при Караваджо.

Роберто да Сансеверино (1418—1487) — кондотьер на службе у Франческо Сфорца и Лодовико Моро, командовавший войсками Венеции в ходе «соляной» войны.

Граф ди Питильяно (умер в 1510 г.) — Никколо Орсини, венецианский военачальник в войнах против Камбрейской лиги.

Надо знать, что в недавнее время, когда империя ослабла, а светская власть Папы окрепла, Италия распалась на несколько государств. Многие крупные города восстали против угнетавших их нобилей, которым покровительствовал император, тогда как городам покровительствовала Церковь в интересах своей светской власти; во многих других городах их собственные граждане возвысились до положения государей. Так, Италия почти целиком оказалась под властью Папы и нескольких республик.

Однако вставшие у власти прелаты и граждане не привыкли иметь дело с оружием, поэтому они стали приглашать на службу наемников. Альбериго да Концио⁷⁶, уроженец Романны, первым создал славу наемному оружию. Его выученики Браччо и Сфорца в свое время держали в руках всю Италию. За ними пошли все те, под чьим началом наемные войска состоят по сей день. Доблесть их привела к тому, что Италию из конца в конец прошел Карл, разорил Людовик, поправ Фердинанд и предали поруганию швейцарцы⁷⁷.

Начали они с того, что, возвышая себя, повсеместно унизили пехоту. Это нужно было им затем, что, живя ремеслом и не имея владений, они не могли бы прокормить большого пешего войска, а малое не создало бы им славы. Тогда как, ограничившись кавалерией, они при небольшой численности обеспечили себе и сытость, и почет.

Дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пехоты. В дальнейшем они проявили необычайную изворотливость для того, чтобы избавить себя и солдат от опасностей и тягот военной жизни: в стычках они не убивают друг друга, а берут в плен и не требуют выкупа, при осаде ночью не идут на приступ; обороняя город, не делают вылазок к палаткам; не окружают лагерь частоколом и рвом, не ведут кампаний в зимнее время. И все это допускается их военным уставом и придумано ими нарочно для того, чтобы, как сказано, избежать опасностей и тягот военной жизни: так они довели Италию до позора и рабства.

⁷⁶ Альбериго да Концио — Альбериго да Барбиано, граф Кунио (умер в 1409 г.), кондотьер на службе у Урбана VI.

⁷⁷ Итальянские наемные войска дважды были побеждены швейцарцами: при Новаре (1500) и Равенне (1512).

Глава XIII. О войсках союзнических, смешанных и собственных

Союзнические войска – еще одна разновидность бесполезных войск – это войска сильного государя, которые призываются для помощи и защиты. Такими войсками воспользовался недавно Папа Юлий: в военных действиях против Феррары он увидел, чего стоят его наемники⁷⁸, и сговорился с Фердинандом, королем Испанским, что тот окажет ему помощь кавалерией и пехотой. Сами по себе такие войска могут отлично и с пользой послужить своему государю, но для того, кто их призывает на помощь, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа – зависимостью.

Несмотря на то что исторические сочинения содержат множество подобных примеров, я хотел бы сослаться на тот же пример Папы Юлия. С его стороны это был крайне опрометчивый шаг – довериться чужеземному государю ради того, чтобы захватить Феррару. И он был бы наказан за свою опрометчивость, если бы, на его счастье, судьба не рассудила иначе: союзническое войско его было разбито при Равенне, но, благодаря тому что внезапно появились швейцарцы и неожиданно для всех прогнали победителей, Папа не попал в зависимость ни к неприятелю, ибо тот бежал, ни к союзникам, ибо победа была добыта не их оружием⁷⁹.

Флорентийцы, не имея войска, двинули против Пизы десять тысяч французов⁸⁰ – что едва не обернулось для них худшим бедствием, чем все, какие случались с ними в прошлом. Император Константинополя⁸¹, воюя с соседями, призвал в Грецию десять тысяч турок, каковые по окончании войны не пожелали уйти, с чего и началось порабощение Греции неверными.

⁷⁸ Альфонсу д'Эсте удалось вернуть себе Феррару и вынудить Папу оставить Болонью (1510).

⁷⁹ 11 апреля 1512 г. французы разбили соединенные силы Папы и испанцев, и не оставили бы Романью и Ломбардию, если бы не неожиданная гибель французского полководца Гастона де Фуа.

⁸⁰ То есть восемь тысяч швейцарских и гасконских солдат, переданных Людовиком XII флорентийцам в июне 1500 г.

⁸¹ То есть император Византии Иоанн VI Кантакузин (1347–1355).

Золотой медальон с портретом Филиппа II

Царь Македонии Филипп II (382—336 до н. э.) сумел объединить Грецию под своей властью. Вероятно, его успех в немалой степени был следствием того, что в юности Филипп три года провел в Фивах, где изучил военную тактику великого фиванского полководца Эпаминонда. В любом случае, грандиозные завоевания его сына, Александра Македонского, стали возможны лишь благодаря достижениям отца.

Итак, пусть союзническое войско призывает тот, кто не дорожит победой, ибо оно куда опасней наемного. Союзническое войско – это верная погибель тому, кто его призывает: оно действует как один человек и безраздельно повинуетсЯ своему государю; наемному же войску после победы нужно и больше времени, и более удобные обстоятельства, чтобы тебе повредить; в нем меньше единства, оно собрано и оплачиваемо тобой, и тот, кого ты поставил во главе его, не может сразу войти в такую силу, чтобы стать для тебя опасным соперником. Короче говоря, в наемном войске опаснее нерадивость, в союзническом – доблесть.

Поэтому мудрые государи всегда предпочитали иметь дело с собственным войском. Лучше, полагали они, проиграть со своими, чем выиграть с чужими, ибо не истинна та победа, которая добыта чужим оружием. Без колебаний сошлюсь опять на пример Чезаре Борджа. Поначалу, когда герцог только вступил в Романью, у него была французская конница, с помощью которой он захватил Имолу и Форли. Позже он понял ненадежность союзнического войска и, сочтя, что наемники менее для него опасны, воспользовался услугами Орсини и Вителли.

Но, увидев, что те в деле нестойки и могут ему изменить, он избавился от них и набрал собственное войско. Какова разница между всеми этими видами войск, нетрудно понять, если посмотреть, как изменялось отношение к герцогу, когда у него были только французы, потом – наемное войско Орсини и Вителли и, наконец, – собственное войско. Мы заметим, что, хотя уважение к герцогу постоянно росло, в полной мере с ним стали считаться только после того, как все увидели, что он располагает собственными солдатами.

Я намеревался не отступать от тех событий, которые происходили в Италии в недавнее время, но сошлюсь еще на пример Герона Сиракузского, так как упоминал о нем выше. Став, как сказано, волею сограждан военачальником Сиракуз, он скоро понял, что от наемного войска мало толку, ибо тогдашние кондотьеры были сродни теперешним. И так как он заключил, что их нельзя ни прогнать, ни оставить, то приказал их изрубить и с тех пор опирался только на свое, а не на чужое войско.

Приходит на память и рассказ из Ветхого Завета⁸², весьма тут уместный. Когда Давид вызвал на бой Голиафа, единоборца из стана филистимлян, то Саул, дабы поддержать дух в Давиде, облачил его в свои доспехи, но тот отверг их, сказав, что ему не по себе в чужом вооружении и что лучше он пойдет на врага с собственной пращей и ножом. Так всегда и бывает, что чужие доспехи либо широки, либо тесны, либо слишком громоздки.

Карл VII, отец короля Людовика XI⁸³, благодаря фортуне и доблести освободив Францию от англичан, понял, как необходимо быть вооруженным своим оружием, и приказал образовать постоянную конницу и пехоту. Позже король Людовик, его сын, распустил пехоту и стал брать на службу швейцарцев; эту ошибку еще усугубили его преемники, и теперь она дорого обходится Французскому королевству. Ибо, предпочтя швейцарцев, Франция подорвала дух своего войска; после упразднения пехоты кавалерия, приданная наемному войску, уже не надеется выиграть сражение своими силами.

Так и получается, что воевать против швейцарцев французы не могут⁸⁴, а без швейцарцев против других – не смеют. Войско Франции, стало быть, смешанное: частью собственное, частью наемное, и в таком виде намного превосходит целиком союзническое или целиком наемное войско, но намного уступает войску, целиком составленному из своих солдат. Ограничусь уже известным примером: Франция была бы непобедима, если бы усовершенствовала или хотя бы сохранила устройство войска, введенное Карлом.

Но неразумие людей таково, что они часто не замечают яда внутри того, что хорошо с виду, как я уже говорил выше по поводу чахоточной лихорадки.

Поэтому государь, который проглядел зарождающийся недуг, не обладает истинной мудростью – но вовремя распознать его дано немногим. И если мы задумаемся об упадке Римской империи, то увидим, что он начался с того, что римляне стали брать на службу наемников – готов. От этого и пошло истощение сил империи, причем сколько силы отнималось у римлян, столько прибавлялось готам. В заключение же повторяю, что без собственного войска государь-

⁸² Первая книга Царств, XVII, 38–40.

⁸³ Карл VII – король Франции в 1422–1461 гг., при котором закончилась Столетняя война (1453). Людовик XI – король в 1461–1483 гг.

⁸⁴ Имеется в виду поражение французов при Новаре (июнь 1513 г.).

ство непрочное – более того, оно всецело зависит от прихотей фортуны, ибо доблесть не служит ему верной защитой в трудное время.

По мнению и приговору мудрых людей: «*Quod nihil sit tam infirmum aut instabile, quam fama potentiae non sua vi nixa*»⁸⁵. Собственные войска суть те, которые составляются из подданных, граждан или преданных тебе людей, всякие же другие относятся либо к союзническим, либо к наемным. А какое им дать устройство, нетрудно заключить, если обдумать действия четырех названных мною лиц и рассмотреть, как устраивали и вооружали свои армии Филипп, отец Александра Македонского, и многие другие республики и государи, чьему примеру я всецело вверяюсь.

Глава XIV. Как государь должен поступать касательно военного дела

Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли и ту власть, что имели.

Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти.

Франческо Сфорца, умея воевать, из частного лица стал миланским герцогом, дети его, уклоняясь от тягот войны, из герцогов стали частными лицами. Тот, кто не владеет военным

⁸⁵ «Нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества» (лат.). – Тацит. *Анналы*, XIII, 19.

ремеслом, навлекает на себя много бед и, в частности, презрение окружающих, а этого надо всемерно остерегаться, как о том будет сказано ниже.

Ибо вооруженный несопоставим с безоружным, и никогда вооруженный не подчинится безоружному по доброй воле, а безоружный никогда не почувствует себя в безопасности среди вооруженных слуг. Как могут двое поладить, если один подозревает другого, а тот, в свою очередь, его презирает? Так и государь, не сведущий в военном деле, терпит много бед, и одна из них та, что он не пользуется уважением войска и, в свою очередь, не может на него положиться.

Старший сын Франческо Сфорца, Галеаццо Мария (1444—1476), стал герцогом миланским после своего отца, но был убит заговорщиками. Сын убитого, Джан Галеаццо (1469—1494), унаследовал титул в возрасте 7 лет. Сперва регентшей при нем была его мать, а позднее дядя, Лодовико Моро (1452—1508), сделавший Милан одним из главных культурных центров Европы. В 1499 г. этот город был захвачен французскими войсками. Лодовико попытался вернуть себе власть, но был предан швейцарскими наемниками, свергнут и умер в заключении.

Поэтому государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им еще больше, чем в военное. Заключаются же они, во-первых, в делах, во-вторых – в размышлениях. Что касается дел, то государю следует не только следить за порядком и учениями в войске, но и самому почаще выезжать на охоту, чтобы закалить тело и одновременно изучить местность, а именно: где и какие есть возвышенности, куда выходят долины, насколько простираются равнины, каковы особенности рек и болот. Такое изучение вдвойне полезно.

Прежде всего, благодаря ему лучше узнаешь собственную страну и можешь вернее определить способы ее защиты; кроме того, зная в подробностях устройство одной местности, легко понимаешь особенности другой, попадая туда впервые, ибо склоны, долины, равнины, болота и реки, предположим, в Тоскане имеют определенное сходство с тем, что мы видим в других краях, отчего тот, кто изучил одну местность, быстро осваивается и во всех прочих.

Если государь не выработал в себе этих навыков, то он лишен первого качества военачальника, ибо именно они позволяют сохранять преимущество, определяя местоположение неприятеля, располагаясь лагерем, идя на сближение с противником, вступая в бой и осаждая крепости.

Филопмену⁸⁶, главе Ахейского союза, античные авторы расточают множество похвал, и, в частности, за то, что он и в мирное время ни о чем не помышлял, кроме военного дела. Когда он прогуливался с друзьями за городом, то часто останавливался и спрашивал: если неприятель займет тот холм, а наше войско будет стоять здесь, на чьей стороне будет преимущество? как наступать в этих условиях, сохраняя боевые порядки? как отступать, если нас вынудят к отступлению? как преследовать противника, если тот обратится в бегство?

⁸⁶ Филопмен (ок. 252–183 гг. до н. э.) – восьмикратный стратег Ахейского союза.

И так, продвигаясь вперед, предлагал все новые и новые обстоятельства из тех, какие случаются на войне; и после того как выслушивал мнения друзей, высказывал свое и приводил доводы в его пользу. Так постоянными размышлениями он добился того, что во время войны никакая случайность не могла бы застигнуть его врасплох.

Что же до умственных упражнений, то государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что – поражения, с тем чтобы одерживать первые и избегать последних. Самое же главное, – уподобившись многим великим людям прошлого, – принять за образец кого-либо из прославленных и чтимых людей древности и постоянно держать в памяти его подвиги и деяния.

Так, по рассказам, Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь – Александру, Сципион – Киру. Всякий, кто прочтет жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтом⁸⁷, согласится, что, уподобляясь Киру, Сципион весьма способствовал своей славе и что в целомудрии, обходительности, человечности и щедрости Сципион следовал Киру, как тот описан нам Ксенофонтом. Мудрый государь должен соблюдать все описанные правила, никогда не предаваться в мирное время праздности, ибо все его труды окупятся, когда настанут тяжелые времена, и тогда, если судьба захочет его сокрушить, он сумеет выстоять под ее напором.

Глава XV. О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам.

⁸⁷ То есть «Киропедия».

Зная, что об этом писали многие, я опасаюсь, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что, избрав тот же предмет, в толковании его я более всего расхожусь с другими. Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности не знал и не видывал.

Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания.

А именно: говорят, что один щедр, другой скуп – если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии – это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое, – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее.

Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более.

И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

Глава XVI. О щедрости и бережливости

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег.

Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих благодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность – крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, у кого ничего не отнял, а таких большая часть, и скупым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы.

В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли неприметно. Папа Юлий желал слыть щедрым лишь до тех пор, пока не достиг папской власти, после чего, готовясь к войне, думать забыл о щедрости. Нынешний король Франции⁸⁸ провел несколько войн без введения чрезвычайных налогов только потому, что, предвидя дополни-

⁸⁸ То есть Людовик XII.

тельные расходы, проявлял упорную бережливость. Нынешний король Испании⁸⁹ не предпринял бы и не выиграл стольких кампаний, если бы дорожил славой щедрого государя.

Итак, ради того чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один из тех пороков, которые позволяют ему править. Если мне скажут, что Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие, благодаря тому что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг власти, либо ты еще на пути к ней.

В первом случае щедрость вредна, во втором – необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов. А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором – как можно большая щедрость.

Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой, как это делали Кир, Цезарь и Александр, ибо, расточая чужое, ты прибавляешь себе славы, тогда как расточая свое – ты только себе вредишь.

Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть. Между тем презрение и ненависть подданных – это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому. Поэтому больше мудрости в том, чтобы, слывя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого поневоле разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

⁸⁹ То есть Фердинанд Католик.

Глава XVII. О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Чезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю⁹⁰.

Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей. Вергилий говорит устами Дидоны:

Res dura, et regni novitas me talia cogunt
Moliri, et late fines custode tueri⁹¹.

⁹⁰ Никколо Макиавелли выпало самому улаживать кровавый конфликт в Пистойе. Резня, возникшая из-за конфликта между двумя местными кланами, по размаху напоминала гражданскую войну. Результатом ее стали сотни убитых и десятки сожженных дотла усадеб.

⁹¹ «Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это / Бдительно так рубежи охранять меня заставляет» (лат.). – Вергилий. Энеида. 563–564.

Однако новый государь не должен быть легковверен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных.

**Бюст Ганнибала, найденный в Капуе.
Гравюра XIX в.**

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к

лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить – ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся.

И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин.

Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно, и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

Но когда государь ведет многотысячное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо, не прославившись жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска. Среди удивительных деяний Ганнибала упоминают и следующее: отправившись воевать в чужие земли, он удержал от мятежа и распрей огромное и разноплеменное войско как в дни побед, так и в дни поражений.

Что можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью⁹², которая, вкупе с доблестью и талантами, внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия. Между тем авторы исторических трудов, с одной стороны, превозносят сам подвиг, с другой – необдуманно порицают главную его причину.

Насколько верно утверждение, что полководцу мало обладать доблестью и талантом, показывает пример Сципиона – человека необычайного не только среди его современников, но и среди всех людей. Его войска взбунтовались в Испании⁹³ вследствие того, что, по своему чрезмерному мягкосердечию, он предоставил солдатам большую свободу, чем это дозволяется воинской дисциплиной. Что и вменил ему в вину Фабий Максим⁹⁴, назвавший его перед Сенатом развратителем римского воинства.

По тому же недостатку твердости Сципион не вступился за локров⁹⁵, узнав, что их разоряет один из его легатов, и не покарал легата за дерзость. Недаром кто-то в Сенате, желая его оправдать, сказал, что он относится к той породе людей, которым легче избегать ошибок самим, чем наказывать за ошибки других.

Со временем от этой черты Сципиона пострадало бы и его доброе имя, и слава – если бы он распоряжался единолично; но он состоял под властью Сената, и потому это свойство его характера не только не имело вредных последствий, но и послужило к вящей его славе.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению

⁹² Выражение Тита Ливия (XXI, 4).

⁹³ В 206 г. до н. э.

⁹⁴ Фабий Максим – Квинт Фабий Максим (ок. 275–203 гг. до н. э.), пятикратный консул, диктатор (с 217 г. до н. э.).

⁹⁵ То есть жителей *Локр Элизеферийских* («западных»), города на юге Калабрии, разграбленного пропретором Сципиона Квинтом Племинием.

государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

Глава XVIII. О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямотушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержат данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первого часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя.

Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание.

Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог

нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру.

Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который бы так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле. Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими.

Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия.

Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство.

О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей⁹⁶, которого воздержусь называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

⁹⁶ Фердинанд Католик.

Глава XIX. О том, каким образом избегать ненависти и презрения

Наиважнейшие из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности.

Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость.

Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя.

К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности: одна изнутри – со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей.

С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо если

образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем, как устоял Набид Спартанский, о чем сказано выше.

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, – это тайные заговоры. Главное средство против них – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше.

Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа.

Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но, открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага.

Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя.

Короче говоря, на стороне заговорщика – страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя – величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища.

По этому поводу я мог бы привести немало примеров, но ограничусь одним, который еще памятен нашим отцам. Мессер Аннибале Бентивольи, правитель Болоньи, дед нынешнего мессера Аннибале, был убит заговорщиками Каннески, и после него не осталось других наследников, кроме мессера Джованни, который был еще в колыбели. Тотчас после убийства разгневанный народ перебил всех Каннески, ибо дом Бентивольи пользовался в то время народной любовью.

И так она была сильна, что когда в Болонье не осталось никого из Бентивольи, кто мог бы управлять государством, горожане, прослышав о некоем человеке крови Бентивольи, считавшемся ранее сыном кузнеца, явились к нему во Флоренцию и вверили ему власть⁹⁷, так что он управлял городом до тех самых пор, пока мессер Джованни не вошел в подобающий правителю возраст.

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее – парламент с его полномочиями⁹⁸. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал огрaдить знать.

⁹⁷ Аннибале Бентивольи, убитому 24 июня 1445 г., наследовал его двоюродный брат, незаконнорожденный сын Эрколе Бентивольи Санти (1426–1462). «Нынешним» мессером Аннибале Макиавелли называет Аннибале II Бентивольи (1469–1540).

⁹⁸ Французские Генеральные штаты были впервые созваны в 1302 г. Филиппом Красивым.

Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ – в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства.

Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами. В заключение же повторю, что государю надлежит выказывать почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе.

Многие, пожалуй, скажут, что пример жизни и смерти некоторых римских императоров противоречит высказанному здесь мнению. Я имею в виду тех императоров, которые, прожив достойную жизнь и явив доблесть духа, либо лишились власти, либо были убиты вследствие заговора. Желая оспорить подобные возражения, я разберу качества нескольких императоров и докажу, что их привели к крушению как раз те причины, на которые я указал выше.

Заодно я хотел бы выделить и все то наиболее поучительное, что содержится в жизнеописании императоров⁹⁹ – преемников Марка-философа, вплоть до Максимиана, то есть Марка, сына его Коммода, Пертинакса, Юлиана, Севера, сына его Антонина Каракаллы, Макрина, Гелиогабала, Александра и Максимиана.

⁹⁹ То есть в «Истории от кончины Божественного Марка» Геродиана, известной Макиавелли в латинском переводе Анджело Полициано.

Марк — Марк Аврелий, римский император (161—180), философ-стоик.

Коммод — Луций Элий Аврелий Коммод, император в 180—192 гг., задушен по приказу его любовницы Марции.

Пертинакс — Публий Эльвий Пертинакс, император в январе — марте 193 г., убит через восемьдесят семь дней после вступления на престол.

Цидий Юлиан — Марк Юлиан Север Дидий, император в 193 г., отказался выдать преторианцам обещанный денежный подарок и убит ими спустя шестьдесят шесть дней после вступления на престол.

Септимий Север — Луций Септимий Север Аврелий Антонин, император в 193—211 гг., был провозглашен иллирийскими легионами после смерти Пертинакса; умер, воюя в Британии.

Антонин — Марк Аврелий Антонин Каракалла, император в 211—217 гг., сперва вместе с братом Гетой, которого убил спустя год. Был убит во время войны в Сирии.

Макрин — Марк Опеллий Макрин, император в 217—218 гг., провозглашенный восточными легионами после убийства Каракаллы. Убит своими солдатами после заключения позорного мира с Парфией.

Гелиогабал — Секст Варий Авиций Гелиогабал, император в 218—222 гг., не обладал реальной властью; попытался избавиться от своего двоюродного брата и преемника, Александра Севера, из-за чего и был убит.

Александр — Марк Аврелий Север Александр, император в 222—235 гг., не обладал реальной властью; убит своими солдатами на Рейне во время войны с германцами.

Максимин — Гай Юлий Вер Максимин Фракийский, император в 235—238 гг., в юности пастух, затем кавалерийский офицер. Убит своими солдатами.

Прежде всего надо сказать, что если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать

еще жестокость и алчность войска. Многих эта тягостная необходимость привела к гибели, ибо трудно было угодить одновременно и народу, и войску.

Народ желал мира и спокойствия, поэтому предпочитал кротких государей, тогда как солдаты предпочитали государей воинственных, неистовых, жестоких и хищных – но только при условии, что эти качества будут проявляться по отношению к народу, так чтобы самим получать двойное жалование и утолять свою жестокость и алчность.

Все это неизбежно приводило к гибели тех императоров, которым не было дано – врожденными свойствами или старанием – внушить к себе такое почтение, чтобы удержать в повиновении и народ, и войско. Большая часть императоров – в особенности те, кто возвысился до императорской власти, а не получил ее по наследству, – оказавшись меж двух огней, предпочли угождать войску, не считаясь с народом.

Но другого выхода у них и не было, ибо если государь не может избежать ненависти кого-либо из подданных, то он должен сначала попытаться не вызвать всеобщей ненависти. Если же это окажется невозможным, он должен приложить все старания к тому, чтобы не вызвать ненависти у тех, кто сильнее. Вот почему новые государи, особенно нуждаясь в поддержке, охотнее принимали сторону солдат, нежели народа. Но в этом случае терпели неудачу, если не умели внушить к себе надлежащего почтения.

По указанной причине из трех императоров – Марка, Пертинакса и Александра, – склонных к умеренности, любящих справедливость, врагов жестокости, мягких и милосердных, двоих постигла печальная участь. Только Марк жил и умер в величайшем почете, ибо наследовал императорскую власть *iure hereditario*¹⁰⁰ и не нуждался в признании ее ни народом, ни войском.

Сверх того, он внушил подданным почтение своими многообразными добродетелями, поэтому сумел удержать в должных пределах и народ, и войско и не был ими ни ненавидим, ни презираем. В отличие от него Пертинакс стал императором против воли солдат, которые, привыкнув к распушенности при Коммодe, не могли вынести честной жизни, к которой он принуждал их, и возненавидели его, а так как к тому же они презирали его за старость, то он и был убит в самом начале своего правления.

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить.

Но перейдем к Александру: кротость его, как рассказывают ему в похвалу, была такова, что за четырнадцать лет его правления не был казнен без суда ни один человек. И все же он возбудил презрение, слывя чересчур изнеженным и послушным матери, и был убит вследствие заговора в войске.

В противоположность этим троим Коммод, Север, Антонин Каракалла и Максимин отличались крайней алчностью и жестокостью. Угождая войску, они как могли разоряли и притесняли народ, и всех их, за исключением Севера, постигла печальная участь. Север же прославился такой доблестью, что не утратил расположения солдат до конца жизни и счастливо правил, несмотря на то что разорял народ.

Доблесть его представлялась необычайной и народу, и войску: народ она пугала и ошеломляла, а войску внушала благоговение, и так как все совершенное им в качестве нового государя замечательно и достойно внимания, то я хотел бы, не вдаваясь в частности, показать,

¹⁰⁰ По праву наследства (лат.).

как он умел уподобляться то льву, то лисе, каковым, как я уже говорил, должны подражать государи.

Римский император
Луций Элий Аврелий Коммод
(161—192)

Узнав о нерадивости императора Юлиана, Север убедил солдат, находившихся под его началом в Славонии¹⁰¹, что их долг идти в Рим отомстить за смерть императора Пертинакса, убитого преторианцами. Под этим предлогом он двинул войско на Рим, никому не откры-

¹⁰¹ Славония – Иллирия.

вая своего намерения добиться императорской власти, и прибыл в Италию прежде, чем туда донесся слух о его выступлении. Когда он достиг Рима, Сенат, испугавшись, провозгласил его императором и приказал убить Юлиана.

Однако на пути Севера стояло еще два препятствия: в Азии Песценний Нигер, глава азийского войска, провозгласил себя императором, на западе соперником его стал Альбин¹⁰². Выступить в открытую против обоих было опасно, поэтому Север решил на Нигера напасть открыто, а Альбина устранить хитростью. Последнему он написал, что, будучи возведен Сенатом в императорское достоинство, желает разделить с ним эту честь, просит его принять титул цезаря и по решению Сената объявляет его соправителем. Тот все это принял за правду.

Но после того, как войско Нигера было разбито, сам он умерщвлен, а дела на востоке улажены, Север вернулся в Рим и подал в Сенат жалобу: будто бы Альбин, забыв об оказанных ему Севером благодеяниях, покушался на его жизнь, почему он вынужден выступить из Рима, чтобы покарать Альбина за неблагодарность. После чего он настиг Альбина во Франции и лишил его власти и жизни.

Вдумавшись в действия Севера, мы убедимся в том, что он вел себя то как свирепейший лев, то как хитрейшая лиса; что он всем внушил страх и почтение и не возбудил ненависти войска. Поэтому мы не станем удивляться, каким образом ему, новому государю, удалось так упрочить свое владычество: разоряя подданных, он не возбудил их ненависти, ибо был защищен от нее своей славой. Сын его Антонин также был личностью замечательной и, сумев поработить воображение народа, был угоден солдатам.

Он был истинный воин, сносивший любые тяготы, презиравший изысканную пищу, чуждый изнеженности, и за это пользовался любовью войска. Но, проявив неслыханную свирепость и жестокость – им было совершено множество убийств и истреблены все жители Александрии и половина жителей Рима, – он стал ненавистен всем подданным и даже внушил страх своим приближенным, так что был убит на глазах своего войска одним из центурионов.

Здесь уместно заметить, что всякий, кому не дорога жизнь, может совершить покушение на государя, так что нет верного способа избежать гибели от руки человека одержимого. Но этого не следует так уж бояться, ибо подобные покушения случаются крайне редко.

Важно лишь не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении, то есть не поступать, как Антонин, который предал позорной смерти брата того центуриона, каждый день грозил смертью ему самому, однако же продолжал держать его у себя телохранителем. Это было безрассудно и не могло не кончиться гибелью Антонина, что, как мы знаем, и случилось.

Обратимся теперь к Коммоду. Будучи сыном Марка, он мог без труда удержать власть, полученную им по наследству. Если бы он шел по стопам отца, то этим всего лучше угодил бы и народу, и войску, но, как человек жестокий и низкий, он стал заискивать у войска и поощрять в нем распущенность, чтобы с его помощью обирать народ. Однако он возбудил презрение войска тем, что унижал свое императорское достоинство, сходясь с гладиаторами на арене, и совершал много других мерзостей, недостойных императорского величия. Ненавидимый одними и презираемый другими, он был убит вследствие заговора среди его приближенных.

Остается рассказать о качествах Максимиана. Это был человек на редкость воинственный, и после того как Александр вызвал раздражение войска своей изнеженностью, оно провозгласило императором Максимиана. Но править ему пришлось недолго, ибо он возбудил ненависть и презрение войска тем, что, во-первых, пас когда-то овец во Фракии – это обстоятельство, о котором все знали, являлось позором в глазах его подданных; во-вторых, провозглашенный

¹⁰² *Нигер* – Гай Песценний Нигер, сирийский легат, убит в 195 г. *Альбин* – Децим Клавдий Альбин, римский военачальник, провозглашен императором после смерти Пертинакса, покончил жизнь самоубийством после поражения от Септимия Севера (197).

императором, он отложил выступление в Рим, где должен был принять знаки императорского достоинства, и прославил себя жестокостью, произведя через своих префектов жесточайшие расправы в Риме и повсеместно.

После этого презрение к нему за его низкое происхождение усугубилось ненавистью, внушенной страхом перед его свирепостью, так что против него восстала сначала Африка, потом Сенат и весь римский народ, и, наконец, в заговор оказалась вовлеченной вся Италия. К заговору примкнули его собственные солдаты, осаждавшие Аквилею, которые были раздражены его жестокостью и трудностями осады: видя, что у него много врагов, они осмелели и убили императора.

Я не буду касаться Гелиогабала, Макрина и Юлиана как совершенно ничтожных и неприметно сошедших правителей, но перейду к заключению. В наше время государям нет такой уж надобности угождать войску. Правда, войско и сейчас требует попечения; однако эта трудность легко разрешима, ибо в наши дни государь не имеет дела с солдатами, которые тесно связаны с правителями и властями отдельных провинций, как это было в Римской империи. Поэтому если в то время приходилось больше угождать солдатам, ибо войско представляло большую силу, то в наше время всем государям, кроме султанов, турецкого и египетского, важнее угождать народу, ибо народ представляет большую силу.

Турецкий султан отличается от других государей тем, что он окружен двенадцатитысячным пешим войском и пятнадцатитысячной конницей, от которых зависят крепость и безопасность его державы. Такой государь поневоле должен, отложив прочие заботы, стараться быть в дружбе с войском. Подобным же образом султану Египетскому, зависящему от солдат, необходимо, хотя бы в ущерб народу, ладить со своим войском.

Заметьте, что государство султана Египетского¹⁰³ устроено не так, как все прочие государства, и сопоставимо лишь с папством в христианском мире. Его нельзя назвать наследственным, ибо наследниками султана являются не его дети, а тот, кто избран в преемники особо на то уполномоченными лицами. Но его нельзя назвать и новым, ибо порядок этот заведен давно, и перед султаном не встает ни одна из тех трудностей, с которыми имеют дело новые государи.

Таким образом, несмотря на то что султан в государстве – новый, учреждения в нем – старые, и они обеспечивают преемственность власти, как при обычном ее наследовании. Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение, и поймем, почему из тех, кто действовал противоположными способами, только двоим выпал счастливый, а остальным несчастный конец.

Дело в том, что Пертинаксу и Александру, как новым государям, было бесполезно и даже вредно подражать Марку, ставшему императором по праву наследства, а Коммоду и Максимино пагубно было подражать Северу, ибо они не обладали той доблестью, которая позволяла бы им следовать его примеру. Соответственно, новый государь в новом государстве не должен ни подражать Марку, ни уподобляться Северу, но должен у Севера позаимствовать то, без чего нельзя основать новое государство, а у Марка – то наилучшее и наиболее достойное, что нужно для сохранения государства, уже обретшего и устойчивость, и прочность.

¹⁰³ То есть государство мамлюков, основанное в 1250 г. и присоединенное к Турции в 1517 г.

Глава XX. О том, полезны ли крепости и многое другое, что постоянно применяют государи

Одни государи, чтобы упрочить свою власть, разоружали подданных, другие поддерживали раскол среди граждан в завоеванных городах; одни намеренно создавали себе врагов, другие предпочли добиваться расположения тех, в ком сомневались, придя к власти; одни воздвигали крепости, другие – разоряли их и разрушали до основания. Которому из этих способов следует отдать предпочтение, сказать трудно, не зная, каковы были обстоятельства в тех государствах, где принималось то или иное решение; однако же я попытаюсь высказаться о них, отвлекаясь от частных настолько, насколько это дозволяется самим предметом.

Итак, никогда не бывало, чтобы новые государи разоружали подданных, – напротив, они всегда вооружали их, если те оказывались невооруженными, ибо, вооружая подданных, обретаешь собственное войско, завоевываешь преданность одних, укрепляешь преданность в других и таким образом обращаешь подданных в своих приверженцев. Всех подданных невозможно вооружить, но если отличить хотя бы часть их, то это позволит с большей уверенностью полагаться и на всех прочих.

Первые, видя, что им оказано предпочтение, будут благодарны тебе, вторые простят тебя, рассудив, что тех и следует отличать, кто несет больше обязанностей и подвергается большим опасностям. Но, разоружив подданных, ты оскорбишь их недоверием и проявишь тем самым трусость или подозрительность, а оба эти качества не прощаются государям.

И так как ты не сможешь обойтись без войска, то поневоле обратишься к наемникам, а чего стоит наемное войско – о том уже шла речь выше; но, будь они даже отличными солдатами, их сил недостаточно для того, чтобы защитить тебя от могущественных врагов и неверных подданных.

Впрочем, как я уже говорил, новые государи в новых государствах всегда создавали собственное войско, что подтверждается множеством исторических примеров. Но если государь

присоединяет новое владение к старому государству, то новых подданных следует разоружить, исключая тех, кто содействовал завоеванию, но этим последним надо дать изнежиться и расслабиться, ведя дело к тому, чтобы в конечном счете во всем войске остались только коренные подданные, живущие близ государя.

Наши предки, те, кого почитали мудрыми, говаривали, что Пистойю надо удерживать раздорами, а Пизу – крепостями, почему для укрепления своего владычества поощряли распри в некоторых подвластных им городах. В те дни, когда Италия находилась в относительном равновесии¹⁰⁴, такой образ действий мог отвечать цели.

Но едва ли подобное наставление пригодно в наше время, ибо сомневаюсь, чтобы расколы когда-либо кончались добром; более того, если подойдет неприятель, поражение неминуемо, так как более слабая партия примкнет к нападающим, а сильная – не сможет отстоять город.

Венецианцы поощряли вражду гвельфов и гибеллинов в подвластных им городах – вероятно, по тем самым причинам, какие я называю. Не доводя дело до кровопролития, они стравливали тех и других затем, чтобы граждане, занятые распрей, не объединили против них свои силы. Но, как мы видим, это не принесло им пользы: после разгрома при Вайла сначала часть городов, а затем и все они, осмелев, отпали от венецианцев¹⁰⁵.

Подобные приемы изобличают, таким образом, слабость правителя, ибо крепкая и решительная власть никогда не допустит раскола; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу.

Без сомнения, государи обретают величие, когда одолевают препятствия и сокрушают недругов, почему фортуна – в особенности если она желает возвеличить нового государя, которому признание нужней, чем наследному, – сама насылает ему врагов и принуждает вступить с ними в схватку для того, чтобы, одолев их, он по подставленной ими лестнице поднялся как можно выше. Однако многие полагают, что мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии.

Нередко государи, особенно новые, со временем убеждаются в том, что более преданные и полезные для них люди – это те, кому они поначалу не доверяли. Пандольфо Петруччи¹⁰⁶, властитель Сиены, правил своим государством, опираясь более на тех, в ком раньше сомневался, нежели на всех прочих.

Но тут нельзя говорить отвлеченно, ибо все меняется в зависимости от обстоятельств. Скажу лишь, что расположением тех, кто поначалу был врагом государя, ничего не стоит заручиться в том случае, если им для сохранения своего положения требуется его покровительство. И они тем ревностнее будут служить государю, что захотят делами доказать превратность прежнего о них мнения. Таким образом, они всегда окажутся полезнее для государя, нежели те, кто, будучи уверен в его благоволении, чрезмерно печется о собственном благе.

И так как этого требует обсуждаемый предмет, то я желал бы напомнить государям, пришедшим к власти с помощью части граждан, что следует вдумываться в побуждения тех, кто тебе помогал, и если окажется, что дело не в личной приверженности, а в недовольстве прежним правлением, то удержать их дружбу будет крайне трудно, ибо удовлетворить таких людей невозможно.

¹⁰⁴ То есть во время действия Лодийского мира, заключенного в 1454 г. между Миланским герцогством, Неаполитанским королевством и Флорентийской республикой. В том же году было подписано соглашение о создании Итальянской лиги, которое принесло мир на итальянские земли почти на четверть века. Лодийские соглашения были отменены в 1482 г. с началом войны Венеции и Папы против Милана.

¹⁰⁵ Имеются в виду Бреша, Верона, Виченца, Падуя и др.

¹⁰⁶ Пандольфо Петруччи (ок. 1450–1512 гг.) – правитель Сиены, изгнан Чезаре Борджа и возвращен французами (1503).

Если на примерах из древности и современной жизни мы попытаемся понять причину этого, то увидим, что всегда гораздо легче приобрести дружбу тех, кто был доволен прежней властью и потому враждебно встретил нового государя, нежели сохранить дружбу тех, кто был недоволен прежней властью и потому содействовал перевороту.

Замок Сфорца. Гравюра 1575 г.

Замок Сфорца, резиденция миланских герцогов династии Сфорца, был отстроен в середине XV в. и сохранился до наших дней. Интересно, что именно этот замок взяли за основу миланские архитекторы, возводившие Московский Кремль.

Издавна государи ради упрочения своей власти возводят крепости, дабы ими, точно уздою и поводьями, сдерживать тех, кто замышляет крамолу, а также дабы располагать надежным убежищем на случай внезапного нападения врага. Могу похвалить этот ведущийся издавна обычай. Однако на нашей памяти мессер Никколо Вителли¹⁰⁷ приказал скрыть две крепости в Читта-ди-Кастелло, чтобы удержать в своих руках город. Гвидо Убальдо, вернувшись в свои владения, откуда его изгнал Чезаре Борджа, разрушил до основания все крепости этого края, рассудив, что так ему будет легче удержать государство.

Семейство Бентивольи, вернувшись в Болонью¹⁰⁸, поступило подобным же образом. Из чего следует, что полезны крепости или нет – зависит от обстоятельств, и если в одном случае они во благо, то в другом случае они во вред. Разъясню подробнее: тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны. Так, семейству Сфорца замок в Милане, построенный герцогом Франческо Сфорца, нанес большой урон, нежели все беспорядки, случившиеся в их государстве.

Поэтому лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы. В наши дни от крепостей никому не было пользы, кроме разве графини Форли, после смерти ее супруга, графа Джироламо¹⁰⁹; благодаря замку ей удалось укрыться от восставшего народа, дожидаться помощи из Милана и возвратиться к власти; время же было такое, что никто со стороны не мог оказать поддержку народу; но впоследствии и ей не помогли крепости, когда ее замок осадил Чезаре Борджа и враждебный ей народ примкнул к чужеземцам¹¹⁰.

Так что для нее было бы куда надежнее, и тогда и раньше, не возводить крепости, а постараться не возбудить ненависти народа.

Итак, по рассмотрении всего сказанного выше, я одобряю и тех, кто строит крепости, и тех, кто их не строит, но осужу всякого, кто, полагаясь на крепости, не озабочен тем, что ненавистен народу.

¹⁰⁷ *Никколо Вителли* (умер в 1497 г.) – отец Паоло и Вителлоццо, кондотьер, правитель Читта-ди-Кастелло, изгнанный оттуда Сикстом IV (1474) и возвращенный флорентийцами (1482).

¹⁰⁸ В 1511 г.

¹⁰⁹ *Граф Джироламо* – Джироламо Риарио, правитель Имолы и Форли, племянник Сикста IV, убит заговорщиками 14 апреля 1488 г.

¹¹⁰ Восстание в Форли вспыхнуло 15 декабря 1499 г., Чезаре Борджа вошел в город 19 декабря и 21 декабря взял замок.

Глава XXI. Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. Из нынешних правителей сошлюсь на Фердинанда Арагонского, короля Испании. Его можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира; и все его действия исполнены величия, а некоторые поражают воображение.

Основанием его могущества послужила война за Гранаду, предпринятая вскоре после вступления на престол¹¹¹. Прежде всего, он начал войну, когда внутри страны было тихо, не опасаясь, что ему помешают, и увлек ею кастильских баронов так, что они, занявшись войной, забыли о смутах; он же тем временем, незаметно для них, сосредоточил в своих руках всю власть и подчинил их своему влиянию.

Деньги на содержание войска он получил от Церкви и народа и, пока длилась война, построил армию, которая впоследствии создала ему славу. После этого, замыслив еще более значительные предприятия, он, действуя опять-таки как защитник религии, сотворил благочестивую жестокость: изгнал марранов¹¹² и очистил от них королевство – трудно представить себе более безжалостный и в то же время более необычайный поступок.

¹¹¹ Завоевание Гранады продолжалось двенадцать лет (1480–1492), с ее взятием Реконкиста была окончена.

¹¹² В 1501–1502 гг. были изгнаны марраны-мавры и евреи, принявшие христианство.

Под тем же предлогом он захватил земли в Африке¹¹³, провел кампанию в Италии и, наконец, вступил в войну с Францией¹¹⁴. Так он обдумывал и осуществлял великие замыслы, держа в постоянном восхищении и напряжении подданных, поглощенно следивших за ходом событий. И все эти предприятия так вытекали одно из другого, что некогда было задумать что-либо против самого государя.

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, подобные тем, которые приписываются мессеру Бернабо да Милано¹¹⁵; иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, то есть когда он без колебаний выступает за одного против другого – это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет.

В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. Ибо в первом случае, не вступив в войну, ты станешь добычей победителя к радости и удовлетворению побежденного, сам же ни у кого не сможешь получить защиты: победитель отвергнет союзника, бросившего его в несчастье, а побежденный не захочет принять к себе того, кто не пожелал с оружием в руках разделить его участь. Антиох, которого этолийцы призвали в Грецию, чтобы прогнать римлян, послал своих ораторов к ахейцам, союзникам римлян, желая склонить ахейцев к невмешательству.

Римляне, напротив, убеждали ахейцев вступить в войну. Тогда, чтобы решить дело, ахейцы созвали совет, легат Антиоха призывал их не браться за оружие, римский легат говорил так: «*Quod autern isti dicunt non interponendi vos bello, nihil magis alienum rebus vestris est; sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis*»¹¹⁶.

И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то, как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе – люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность.

Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности – мог поправить справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо с помощью одного ты разгроишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

¹¹³ В 1509 г. были захвачены земли от Орана до Триполи.

¹¹⁴ Захватив в 1512 г. Наварру.

¹¹⁵ *Мессер Бернабо да Милано* – Бернабо Висконти (умер в 1385 г.). С 1354 г. правил Миланом вместе с братьями, Маттео II и Галеаццо II; с 1378 г. – единовластный правитель. Отравлен племянником, Джан Галеаццо.

¹¹⁶ «Что до решения, которое предлагается вам как наилучшее и наивыгоднейшее для вашего государства, а именно: не вмешиваться в войну, – то нет для вас ничего худшего, ибо, приняв это решение, без награды и без чести станете добычей победителя» (лат.). – Цитата из Тита Ливия (XXXV, 49).

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость, как о том сказано выше. Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках; государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям. Венецианцы, к примеру, вступили в союз с Францией против миланского герцога, когда могли этого избежать, следствием чего и явилось их крушение.

Но если нет возможности уклониться от союза, как обстояло дело у флорентийцев, когда Папа и Испания двинули войска на Ломбардию¹¹⁷, то государь должен вступить в войну, чему причины я указал выше. Не стоит лишь надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, – наоборот, следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избегнув одной неприятности, попадаешь в другую. Однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло почести за благо.

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоуустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства.

Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

¹¹⁷ Флорентийцы, не поддерживая Святую лигу, не решились открыто взять сторону Людовика XII. Эта неопределенная позиция стала причиной падения республики.

Глава XXII. О советниках государей

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, – зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность.

Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. Из тех, кто знал мессера Антонио да Венаффо¹¹⁸, помощника Пандольфо Петруччи, правителя Сиены, никто не усомнился бы в достоинствах и самого Пандольфо, выбравшего себе такого помощника.

Ибо умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий – сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум – выдающийся, второй – значительный, третий – негодный.¹¹⁹ Из сказанного неопровержимо следует, что ум Пандольфо был если не первого, то второго рода.

Ибо когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо изобретательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих помощников и за доброе вознаградит, а за дурное – взыщет; да и помощники его не понадеются обмануть государя и будут добросовестно ему служить.

Ярый оппонент Чезаре Борджиа Пандольфо Петруччи (умер в 1512 г.) сделался правителем Сиены в 1497 г. и, оставаясь формально всего лишь командующим («капитаном народа»), 15 лет единолично управлял государством. Сделав ставку на торговые круги, добился стабилизации экономики и роста торговли.

Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться. Ибо министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе, и не являться к нему ни с чем, что не относится до государя.

Но и государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние, привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоялся переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого.

¹¹⁸ Антонио да Венаффо (1459–1530) – профессор Сиенского университета, советник Пандольфо Петруччи.

¹¹⁹ Цитата из Тита Ливия (XXII, 29).

Глава XXIII. Как избежать льстецов

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно: одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лести и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так обольщаются на свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти.

Но беда еще и в том, что когда государь пытается искоренить лести, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как внушив людям, что если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение.

Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению.

На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных.

Сошлюсь на один современный пример. Отец Лука¹²⁰, доверенное лицо императора Максимилиана, говоря о его величестве, заметил, что тот ни у кого совета не просит, но по-своему тоже не поступает именно оттого, что его образ действий противоположен описанному выше.

¹²⁰ Отец Лука – Лука Ринальди, епископ Триеста (1500–1502), доверенное лицо и посол императора Максимилиана I

Ибо император – человек скрытный, намерений своих никому не поверяет, совета на их счет не спрашивает. Но когда по мере осуществления они выходят наружу, то те, кто его окружает, начинают их оспаривать, и государь, как человек слабый, от них отступает. Поэтому начатое сегодня назавтра отменяется, и никогда нельзя понять, чего желает и что намерен предпринять император, и нельзя положиться на его решение.

*Лукас ван Лейден. Император Максимилиан I.
Гравюра XVI в.*

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду.

Многие полагают, что кое-кто из государей, слывающих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило,

Габсбурга (1493–1519).

не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения.

Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, родятся из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

Глава XXIV. Почему государи Италии лишились своих государств

Если новый государь разумно следует названным правилам, он скоро утвердится в государстве и почувствует себя в нем прочнее и увереннее, чем если бы получил власть по наследству. Ибо новый государь вызывает большее любопытство, чем наследный правитель, и если действия его исполнены доблести, они куда больше захватывают и привлекают людей, чем древность рода. Ведь люди гораздо больше заняты сегодняшним днем, чем вчерашним, и если в настоящем обретают благо, то довольствуются им и не ищут другого; более того, они горой станут за нового государя, если сам он будет действовать надлежащим образом.

И двойную славу стяжает тот, кто создаст государство и укрепит его хорошими законами, хорошими союзниками, хорошим войском и добрыми примерами; так же как двойным позором покроет себя тот, кто, будучи рожден государем, по неразумию лишится власти.

Если мы обратимся к тем государям Италии, которые утратили власть, таким, как король Неаполитанский, герцог Миланский и другие, то мы увидим, что наиболее уязвимым их местом было войско, чему причины подробно изложены выше. Кроме того, некоторые из них либо

враждовали с народом, либо, расположив к себе народ, не умели обезопасить себя со стороны знати.

Ибо там, где нет подобных изъязнов, государь не может утратить власть, если имеет достаточно сил, чтобы выставить войско. Филипп Македонский¹²¹, не отец Александра Великого, а тот, что был разбит Титом Квинцием¹²², имел небольшое государство по сравнению с теми великими, что на него напали, – Римом и Грецией, но, будучи воином, а также умея расположить к себе народ и обезопасить себя от знати, он выдержал многолетнюю войну против римлян и греков и хотя потерял под конец несколько городов, зато сохранил за собой царство.

Так что пусть те из наших государей, кто, властвуя много лет, лишился своих государств, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость. В спокойное время они не предусмотрели возможных бед – по общему всем людям недостатку в затишье не думать о буре, – когда же настали тяжелые времена, они предпочли бежать, а не обороняться, понадеявшись на то, что подданные, раздраженные бесчинством победителей, призовут их обратно.

Если нет другого выхода, хорош и такой, плохо лишь отказываться ради него от всех прочих, точно так же как не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут. Даже если тебя и выручат из беды, это небезопасно для тебя, так как ты окажешься в положении зависимом и унижительном. А только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести.

¹²¹ *Филипп Македонский* – Филипп V, царь Македонии (221–179 гг. до н. э.), в результате I и II Македонских войн с римлянами (216–205 и 200–197 гг. до н. э.) лишился всех своих внемакедонских владений.

¹²² *Тит Квинций Фламинин* (умер в 175 г. до н. э.) – победитель Филиппа Македонского при Кинескефалах (197 г. до н. э.).

Глава XXV. Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять

Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием. Особенно многие уверовали в это за последние годы, когда на наших глазах происходят перемены столь внезапные, что всякое человеческое предвидение оказывается перед ними бессильно. Иной раз и я склоняюсь к общему мнению, задумываясь о происходящем.

И однако, ради того чтобы не утратить свободу воли, я предположу, что, может быть, судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать.

Но хотя бы и так – разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег?

То же и судьба: она являет свое всесилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений. Взгляните на Италию, захлестнутую ею же вызванным бурным разливом событий, и вы увидите, что она подобна ровной местности, где нет ни плотин, ни заграждений. А ведь если бы она была защищена доблестью, как Германия, Испания и Франция, этот разлив мог бы не наступить или, по крайней мере, не причинить столь значительных разрушений. Этим, я полагаю, сказано достаточно о противостоянии судьбе вообще.

Что же касается, в частности, государей, то нам приходится видеть, как некоторые из них, еще вчера благоденствовавшие, сегодня лишаются власти, хотя, как кажется, не изменился ни весь склад их характера, ни какое-либо отдельное свойство. Объясняется это, я полагаю, теми причинами, которые были подробно разобраны выше, а именно тем, что если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов.

Я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени.

Рафаэль. Папа Юлий II. 1511—1512 гг.

Юлий II (в миру — Джулиано делла Ровере; 1443— 1513) — Папа Римский с 1 ноября 1503 г. Сделался кардиналом благодаря своему дяде Сиксту IV, а после смерти своего предшественника, Пия III, посулами и подкупом сумел убедить конклав отдать тиару ему. Его понтификат был непрерывной чередой войн (главным образом с Венецией и Францией), в которых Папа часто принимал личное участие. Территория папского государства была таким образом значительно расширена, и для защиты его Юлий II создал швейцарскую гвардию. Интересно, что швейцарцы до сих пор несут охрану Ватикана, причем одеты они в ту же униформу, которая была спроектирована по заказу Юлия II Рафаэлем Санти.

Ибо мы видим, что люди действуют по-разному, пытаясь достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы: один действует осторожностью, другой — натиском; один — силой, другой — искусством; один — терпением, другой — противоположным способом, и каждого его способ может привести к цели. Но иной раз мы видим, что хотя оба действовали одинаково, например осторожностью, только один из двоих добился успеха, и наоборот, хотя каждый действовал по-своему: один осторожностью, другой натиском, — оба в равной мере добились успеха.

Зависит же это именно от того, что один образ действий совпадает с особенностями времени, а другой — не совпадает. Поэтому бывает так, что двое, действуя по-разному, одинаково добиваются успеха, а бывает так, что двое действуют одинаково, но только один из них достигает цели.

От того же зависят и превратности благополучия: пока для того, кто действует осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию его приходит конец, ибо он не переменил своего образа действий.

И нет людей, которые умели бы к этому приспособиться, как бы они ни были благоразумны. Во-первых, берут верх природные склонности, во-вторых, человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до того времени неизменно преуспевал. Вот почему осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно.

Папа Юлий всегда шел напролом, время же и обстоятельства благоприятствовали такому образу действий, и потому он каждый раз добивался успеха. Вспомните его первое предприятие — захват Болоньи, еще при жизни мессера Джованни Бентивольи. Венецианцы были против, король Испании тоже, с Францией еще велись об этом переговоры, но Папа сам выступил в поход, с обычной для него неукротимостью и напором.

И никто этому не воспрепятствовал, венецианцы – от страха, Испания – надеясь воссоединить под своей властью Неаполитанское королевство¹²³; уступил и французский король, так как, видя, что Папа уже в походе, и желая союза с ним против венецианцев, он решил, что не может без явного оскорбления отказать ему в помощи войсками.

Этим натиском и внезапностью Папа Юлий достиг того, чего не достиг бы со всем доступным человеку благоразумием никакой другой глава Церкви; ибо, останься он в Риме, выжидая, пока все уладится и образуется, как сделал бы всякий на его месте, король Франции нашел бы тысячу отговорок, а все другие – тысячу доводов против захвата. Я не буду говорить о прочих его предприятиях: все они были того же рода, и все ему удавались; из-за краткости правления он так и не испытал неудачи, но, проживи он дольше и наступи такие времена, когда требуется осторожность, его благополучию пришел бы конец, ибо он никогда не уклонился бы с того пути, на который его увлекала натура.

Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать, – таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, – подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают.

Глава XXVI. Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров

Обдумывая все сказанное и размышляя наедине с собой, настало ли для Италии время чествовать нового государя и есть ли в ней материал, которым мог бы воспользоваться мудрый

¹²³ Фердинанд Католик стремился получить портовые города Пульи, которые с 1495 г. были в руках Венеции.

и доблестный человек, чтобы придать ему форму – во славу себе и на благо отечества, – я заключаю, что столь многое благоприятствует появлению нового государя, что едва ли какое-либо другое время подошло бы для этого больше, чем наше.

Как некогда народу Израиля надлежало пребывать в рабстве у египтян, дабы Моисей явил свою доблесть, персам – в угнетении у мидийцев, дабы Кир обнаружил величие своего духа, афинянам – в разобщении, дабы Тезей совершил свой подвиг, так и теперь, дабы обнаружила себя доблесть италийского духа, Италии надлежало дойти до нынешнего ее позора: до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне: нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах.

Были мгновения, когда казалось, что перед нами тот, кого Бог назначил стать избавителем Италии, но немилость судьбы настигала его на подступах к цели. Италия же, теряя последние силы, ожидает того, кто исцелит ей раны, спасет от разграбления Ломбардию, от поборов – Неаполитанское королевство и Тоскану, кто уврачуется ее гноящиеся язвы. Как молит она Бога о ниспослании ей того, кто избавит ее от жестокости и насилия варваров! Как полна она рвения и готовности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!

И самые большие надежды возлагает она ныне на ваш славный дом, каковой, благодаря доблести и милости судьбы, покровительству Бога и Церкви, глава коей принадлежит к вашему дому¹²⁴, мог бы принять на себя дело освобождения Италии. Оно окажется не столь уж трудным, если вы примете за образец жизнь и деяния названных выше мужей. Как бы ни были редки и достойны удивления подобные люди, все же они – люди, и каждому из них выпал случай не столь благоприятный, как этот.

Ибо дело их не было более правым, или более простым, или более угодным Богу. Здесь дело поистине правое – «*lustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma ibi nulla nisi in armis spes est*»¹²⁵. Здесь условия поистине благоприятны, а где благоприятны условия, там трудности отступают, особенно если следовать примеру тех мужей, которые названы мною выше.

Нам явлены необычайные, беспримерные знамения Божии: море расступилось, скала источала воду, манна небесная выпала на землю¹²⁶: все совпало, пророча величие вашему дому. Остальное надлежит сделать вам. Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы.

Не удивительно, что ни один из названных выше итальянцев не достиг цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш прославленный дом, и что, при множестве переворотов и военных действий в Италии, боевая доблесть в ней как будто угасла. Объясняется это тем, что старые ее порядки нехороши, а лучших никто не сумел ввести. Между тем ничто так не прославляет государя, как введение новых законов и установлений.

Когда они прочно утверждены и отмечены величием, государю воздают за них почестями и славой; в Италии же достаточно материала, которому можно придать любую форму. Велика доблесть в каждом из ее сынов, но, увы, мало ее в предводителях. Взгляните на поединки и небольшие схватки: как выделяются итальянцы ловкостью, находчивостью, силой. Но в сражениях они как будто теряют все эти качества.

Виной же всему слабость военачальников: если кто и знает дело, то его не слушают, и хотя знающим объявляет себя каждый, до сих пор не нашлось никого, кто бы так отличился доблестью и удачей, чтобы перед ним склонились все остальные. Поэтому за прошедшие двадцать лет во всех войнах, какие были за это время, войска, составленные из одних итальянцев,

¹²⁴ Лев Х Медичи.

¹²⁵ «Ибо та война справедлива, которая необходима, и то оружие священо, на которое единственная надежда» (лат.). – Цитата из Тита Ливия (IX, I).

¹²⁶ Знамения, сопровождавшие исход евреев из Египта.

всегда терпели неудачу, чему свидетели прежде всего Таро, затем Алессандрия, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья и Местри.

Алессандрия — город в Ломбардии, взятый французами в 1499 г.

Капуя — взята и разграблена французами в 1501 г.

Генуя — сдалась французам в 1507 г.

Вайла — здесь, близ Лоди, 14 мая 1509 г. венецианские войска потерпели поражение от войск Камбрейской лиги.

Болонья — в 1510 г. была оставлена Папой под давлением войска Альфонса д'Эсте.

Местри — местечко близ Виченцы, сожженное испанцами перед битвой при Ла-Мотта (7 октября 1513 г.; вероятно, Макиавелли говорит именно об этой битве).

Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско, без которого всякое предприятие лишено настоящей основы, ибо он не будет иметь ни более верных, ни более храбрых, ни лучших солдат. Но как бы ни был хорош каждый из них в отдельности, вместе они окажутся еще лучше, если во главе войска увидят своего государя, который чтит их и отличает. Такое войско поистине необходимо, для того чтобы итальянская доблесть могла отразить вторжение иноземцев.

Правда, испанская и швейцарская пехота считаются грозными, однако же в той и другой имеются недостатки, так что иначе устроенное войско могло бы не только выстоять против них, но даже их превзойти. Ибо испанцы отступают перед конницей, а швейцарцев может устрашить пехота, если окажется не менее упорной в бою. Мы уже не раз убеждались и еще убедимся в том, что испанцы отступали перед французской кавалерией, а швейцарцы терпели поражение от испанской пехоты.

Последнего нам еще не приходилось наблюдать в полной мере, но дело шло к тому в сражении при Равенне — когда испанская пехота встретила с немецкими отрядами, устроенными наподобие швейцарских. Ловким испанцам удалось пробраться, прикрываясь маленькими щитами, под копыта и, находясь в безопасности, разить неприятеля так, что тот ничего не мог с ними поделать, и если бы на испанцев не налетела конница, они добились бы неприятельскую пехоту.

Таким образом, изучив недостатки того и другого войска, нужно построить новое, которое могло бы устоять перед конницей и не боялось бы чужой пехоты, что достигается как новым родом оружия, так и новым устройством войска. И все это относится к таким нововведениям, которые более всего доставляют славу и величие новому государю.

Итак, нельзя упустить этот случай: пусть после стольких лет ожидания Италия увидит наконец своего избавителя. Не могу выразить словами, с какой любовью приняли бы его

жители, пострадавшие от иноземных вторжений, с какой жадой мщения, с какой неколебимой верой, с какими слезами! Какие двери закрылись бы перед ним?

Кто отказал бы ему в повиновении? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей? Каждый ощущает, как смердит господство варваров. Так пусть же ваш славный дом примет на себя этот долг с тем мужеством и той надеждой, с какой вершатся правые дела, дабы под сенью его знамени возвеличилось наше отечество и под его водительством сбылось сказанное Петраркой:

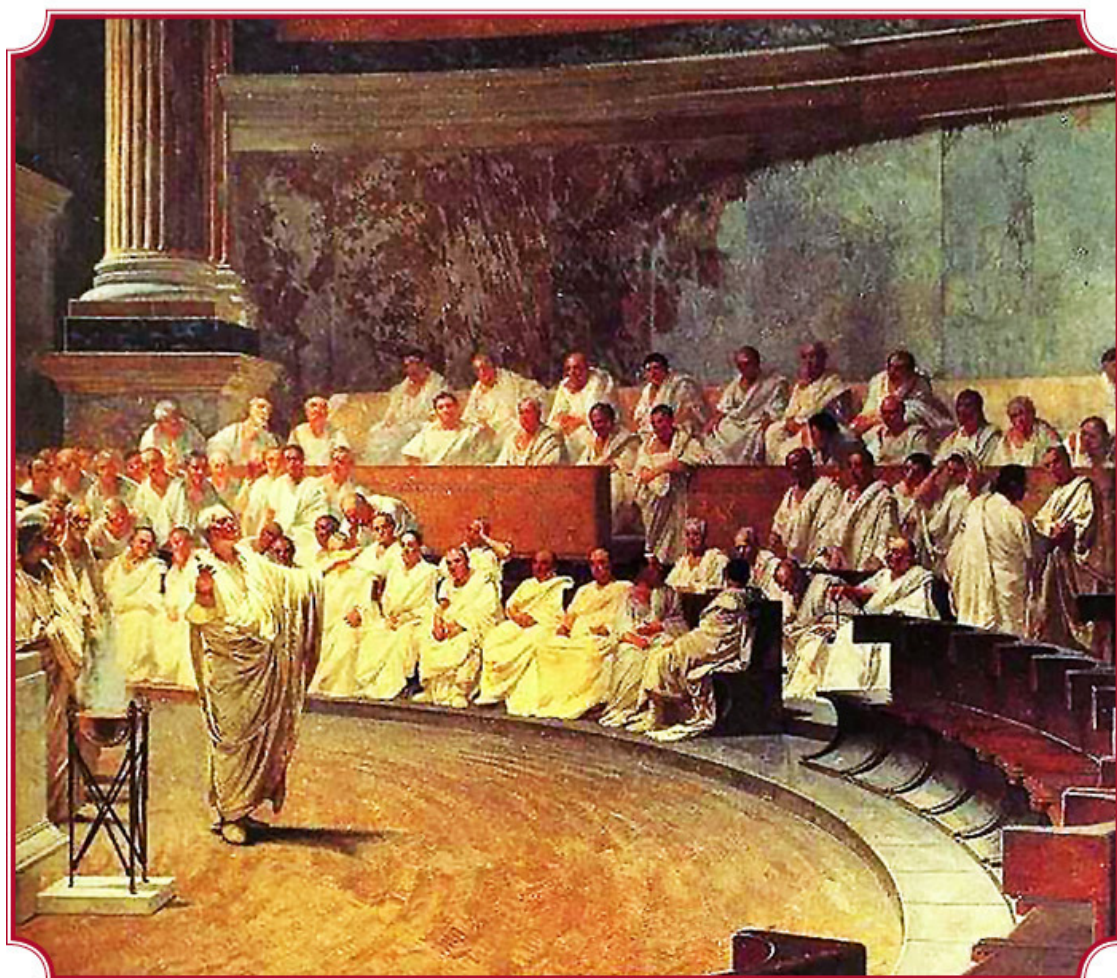
Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце¹²⁷.

¹²⁷ Цитата из канцоны Петрарки «Моя Италия».

Никколо Макиавелли

*Рассуждения
о первой декаде
Тита Ливия*

Никколо Макиавелли. РАССУЖДЕНИЯ О ПЕРВОЙ ДЕКАДЕ ТИТА ЛИВИЯ

Перевод с итальянского *Р. И. Хлодовского*

КНИГА ПЕРВАЯ

Вступление

Хотя по причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неведомых земель и морей, ибо люди склонны скорее хулить, нежели хвалить поступки других, я, тем не менее, побуждаемый естественным и всегда мне присущим стремлением делать, невзирая на последствия, то, что, по моему убеждению, способствует общему благу, твердо решил идти непроторенной дорогой, каковая, доставя мне доуки и трудности, принесет мне также и награду от тех, кто благосклонно следил за этими моими трудами.

И если из-за скудости ума, недостаточной искушенности в событиях нынешних и слабого знания событий древних попытка моя окажется безуспешной и не слишком полезной, она все-таки откроет путь кому-нибудь другому, кто, обладая большею силою духа, большим разумом и рассудком, доведет до конца этот мой замысел; поэтому если я и не удостоюсь за труд мой похвал, то и подвергнуться за него порицанию не должен.

Когда я вспоминаю о том, какие почести воздаются древности и сколь часто, — оставляя сейчас в стороне многие другие примеры, — обломок какой-нибудь античной статуи покупается за огромные деньги, чтобы держать его подле себя, украшать им свой дом и выстав-лять его в качестве образца для подражания всем тем, кто занимается таким же искусством, и как эти последние затем изо всех сил стараются воспроизвести его во всех своих произведениях; и когда я, с другой стороны, вижу, что доблестнейшие деяния, о которых нам повествует история, совершенные в древних царствах и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и другими людьми, трудившимися на благо отчизны, в наши дни вызывают скорее восхищение, чем подражание, более того, что всякий их до того сторонится, что от прославленной древней доблести не осталось у нас и следа, — я не могу всему этому не изумляться и вместе с тем не печалиться.

Мое изумление и печаль только еще больше возрастают оттого, что я вижу, как при несогласиях, возникающих у людей в гражданской жизни, или при постигающих их болезнях они постоянно обращаются к тем самым решениям и средствам, которые выносились и предписывались древними. Ведь наши гражданские законы являются не чем иным, как судебными решениями, вынесенными древними юристами.

Будучи упорядоченными, решения эти служат теперь руководством для наших юристов в их судебной практике. Точно так же и медицина является не чем иным, как опытом древних врачей, на котором основываются нынешние врачи, прописывая свои лекарства. Однако как только дело доходит до учреждения республик, сохранения государств, управления королевствами, создания армии, ведения войны, осуществления правосудия по отношению к подданным, укрепления власти, то никогда не находится ни государя, ни республики, которые обратились бы к примеру древних.

Я убежден, что проистекает это не столько от слабости, до которой довела мир нынешняя религия, или же от того зла, которое причинила многим христианским городам и странам тщеславная праздность, сколько от недостатка подлинного понимания истории, помогающего при чтении сочинений историков получать удовольствие и вместе с тем извлекать из них тот смысл, который они в себе содержат.

Именно от этого проистекает то, что весьма многие читающие исторические сочинения с интересом воспринимают разнообразие описываемых в них происшествий, но нисколько не помышляют о подражании им, полагая таковое подражание делом не только трудным, но вовсе невозможным, словно бы небо, солнце, стихии, люди изменили со времен античности свое движение, порядок и силу.

Поэтому, желая избавить людей от подобного заблуждения, я счел необходимым написать о всех тех книгах Тита Ливия, которые не разорвала злокозненность времени, все то, что покажется мне необходимым для наилучшего понимания древних и современных событий, дабы те, кто прочтут сии мои разъяснения, смогли бы извлечь из них ту самую пользу, ради которой должно стремиться к познанию истории. Дело это, конечно, не легкое; тем не менее с помощью тех, кто побудил меня взять его на себя, я надеюсь продвинуться в нем так далеко, что преемнику моему останется уже немного дойти до положенной цели.

Глава II. Скольких родов бывают республики и какова была республика римская

Я хочу не касаться в своих рассуждениях тех городов, которые с самого начала не были независимыми, и стану говорить лишь о таких, которые у истоков своих были далеки от рабского подчинения иноземцам и которые сразу же управлялись своей волей либо как республики, либо как самодержавные княжества. Такого рода города имели различные основы, разные законы и строй. Некоторые из них еще при своем основании или же вскоре после него

получали законы от одного человека, и притом сразу. Так, от Ликурга получили законы спартанцы.

Другие, как Рим, получали их от случая к случаю, постепенно, в зависимости от обстоятельств. Подлинно счастливой можно назвать ту республику, где появляется человек столь мудрый, что даваемые им законы обладают такой упорядоченностью, что, подчиняясь им, республика может, не испытывая необходимости в их изменении, жить спокойно и безопасно. Известно, что Спарта свыше восьмисот лет соблюдала свои законы, не извращая их и не переживая гибельных смут. Несколько менее счастлив город, который, не обретя умного и проницательного устроителя, вынужден устраиваться сам собой.

И уже совсем несчастен город, который еще дальше ушел от прочного строя, а дальше всего отстоит от него тот город, который во всех своих порядках совершенно сбился с правильного пути, способного привести его к истинной цели и совершенству. Почти невероятно, чтобы подобный город могли бы выправить какие-нибудь обстоятельства. Те же города, которые – пусть даже они и не обладают совершенным политическим строем – имеют добрую основу, способную к улучшениям, могут при благоприятном стечении обстоятельств достичь совершенства.

Правда, однако, переустройства всегда связаны с опасностью, ибо значительная часть людей никогда не соглашается на новый закон, устанавливающий в городе новый порядок, если только необходимость не докажет им, что без этого не обойтись. А так как такая необходимость никогда не возникает без опасности, то может легко случиться, что республика падет еще до того, как будет приведена к совершенному строю. Это превосходно доказывает пример республики во Флоренции, которую во втором году события под Аретцо вновь восстановили, а в двенадцатом события в Прато вынудили опять распасться.

Итак, желая рассмотреть, каков был политический строй города Рима и какие события привели его к совершенству, я отмечу, что некоторые авторы, писавшие о республиках, утверждали, будто существует три вида государственного устройства, именуемые ими: Самодержавие, Аристократия и Народное правление, и что устанавливающие новый строй в городе должны обращаться к тому из этих трех видов, который покажется им более подходящим.

Другие же авторы, и, по мнению многих, более мудрые, считают, что имеется шесть форм правления – три очень скверные и три сами по себе хорошие, но легко искажаемые и становящиеся вследствие этого пагубными. Хорошие формы правления – суть три вышеназванные; дурные же – три остальные, от трех первых зависящие и настолько с ними родственные, что они легко переходят друг в друга: Самодержавие легко становится тираническим,

Аристократии с легкостью делаются олигархиями, Народное правление без труда обращается в разнузданность. Таким образом, если учредитель республики учреждает в городе одну из трех перечисленных форм правления, он учреждает ее ненадолго, ибо нет средства помешать ей скатиться в собственную противоположность, поскольку схожесть между пороком и добродетелью в данном случае слишком невелика.

Эти различные виды правления возникли у людей случайно. Вначале, когда обитателей на земле было немного, люди какое-то время жили разобщенно, наподобие диких зверей. Затем, когда род человеческий размножился, люди начали объединяться и, чтобы лучше обереечь себя, стали выбирать из своей среды самых сильных и храбрых, делать их своими вожаками и подчиняться им. Из этого родилось понимание хорошего и доброго в отличие от дурного и злого. Вид человека, вредящего своему благодетелю, вызывал у людей гнев и сострадание.

Они ругали неблагодарных и хвалили тех, кто оказывался благодарным. Потом, сообразив, что сами могут подвергнуться таким же обидам, и дабы избежать подобного зла, они пришли к созданию законов и установлению наказаний для их нарушителей. Так возникло

понимание справедливости. Вследствие этого, выбирая теперь государя, люди отдавали предпочтение уже не самому отважному, а наиболее рассудительному и справедливому.

Но так как со временем государственная власть из выборной превратилась в наследственную, то новые, наследственные государи изрядно выродились по сравнению с прежними. Не помышляя о доблестных деяниях, они заботились только о том, как бы им превзойти всех остальных в роскоши, сладострастии и всякого рода разврате. Поэтому государь становился ненавистным; всеобщая ненависть вызывала в нем страх; страх же толкал его на насилия, и все это вскоре порождало тиранию. Этим клалось начало крушению единовластия: возникали тайные общества и заговоры против государей.

Устраивали их люди не робкие и слабые, но те, кто возвышались над прочими своим благородством, великодушием, богатством и знатностью и не могли сносить гнусной жизни государя. Массы, повинаясь авторитету сих могущественных граждан, ополчались на государя и, уничтожив его, подчинялись им, как своим освободителям. Последние, ненавидя имя самодержца, создавали из самих себя правительство. Поначалу, памятуя о прошлой тирании, они правили в соответствии с установленными ими законами, жертвуя личными интересами ради общего блага и со вниманием относясь как к частным, так и к общественным делам.

Однако через некоторое время управление переходило к их сыновьям, которые, не познав превратностей судьбы, не испытав зла и не желая довольствоваться гражданским равенством, становились алчными, честолюбивыми, охотниками до чужих жен, превращая таким образом правление Оптиматов в правление немногих, совершенно не считающееся с нормами общественной жизни. Поэтому сыновей Оптиматов вскоре постигла судьба тирана. Раздраженные их правлением, народные массы с готовностью шли за всяким, кто только ни пожелал бы выступить против подобных правителей; такой человек немедленно находился и уничтожал их с помощью масс.

Однако память о государе и творимых им бесчинствах была еще слишком свежа; поэтому, уничтожив власть немногих и не желая восстанавливать единовластие государя, люди обращались к Народному правлению и устраивали его так, чтобы ни отдельные могущественные граждане, ни государи не могли бы иметь в нем никакого влияния.

Ликург, дающий законы спартанцам. Гравюра XIX в.

Древнеспартанский законодатель Ликург, начало деятельности которого относится к 884 г. до н. э., как повествуют древние авторы, сумел изменить государственное устройство своей страны по примеру Крита, заручившись одобрением дельфийского оракула и содействием влиятельнейших граждан.

Так как любой государственный строй на первых порах внушает к себе некоторое почтение, то Народное правление какое-то время сохранялось, правда, недолго, – пока не умирало создавшее его поколение, ибо сразу же вслед за этим в городе воцарялась разнузданность, при которой никто уже не боялся ни частных лиц, ни общественных; всякий жил как хотел, и каждодневно учинялось множество всяких несправедливостей.

Тогда, вынуждаемые к тому необходимостью, или по наущению какого-нибудь доброго человека, или же из желания покончить с разнузданностью, люди опять возвращались к самодержавию, а затем мало-помалу снова доходили до разнузданности – тем же путем и по тем же причинам.

Таков круг, вращаясь в котором республики управлялись и управляются. И если они редко возвращаются к исходным формам правления, то единственно потому, что почти ни у одной республики не хватает сил пройти через все вышесказанные изменения и устоять. Чаще всего случается, что в пору мучительных перемен, когда республика всегда бывает ослаблена и лишена мудрого совета, она становится добычей какого-нибудь соседнего государства, обладающего лучшим политическим строем. Но если бы этого не происходило, республика могла бы бесконечно вращаться в смене одних и тех же форм правления.

Итак, я утверждаю, что все названные формы губительны: три хорошие по причине их кратковременности, а три дурные – из-за их злокачественности. Поэтому, зная об этом их недостатке, мудрые законодатели избегали каждой из них в отдельности и избирали такую, в которой они оказывались бы перемешанными, считая подобную форму правления более прочной и устойчивой, ибо, сосуществуя одновременно в одном и том же городе, Самодержавие, Оптиматы и Народное правление оглядываются друг на друга.

Из создателей такого рода конституций более всех достоин славы Ликург. Давая Спарте законы, он отвел соответствующую роль Царям, Аристократам и Народу и создал государственный строй, просуществовавший свыше восьмисот лет и принесший этому городу великую славу и благоденствие. Совсем иное случилось с Солоном, давшим законы Афинам. Установив там одно лишь Народное правление, он дал ему столь краткую жизнь, что еще до своей смерти успел увидеть в Афинах тиранию Писистрата.

И хотя через сорок лет наследники Писистрата были изгнаны и в Афинах возродилась свобода, ибо там было восстановлено Народное правление в соответствии с законами Солона, правление это просуществовало не дольше ста лет, несмотря на то что для поддержания его принимались различные, не предусмотренные самим Солоном постановления, направленные на обуздание наглости дворян и всеобщей разнузданности. Как бы то ни было, так как Солон не соединил Народное правление с сильными сторонами Самодержавия и Аристократии, Афины, по сравнению со Спартой, прожили очень недолгую жизнь.

Обратимся, однако, к Риму. Несмотря на то что в Риме не было своего Ликурга, который бы с самого начала устроил его так, чтобы он мог долгое время жить свободным, в

нем создалось множество благоприятных обстоятельств, возникших благодаря разногласиям между Плебсом и Сенатом, и то, чего не совершил законодатель, сделал случай. Поэтому если Риму не повезло вначале, то ему повезло потом.

Первые учреждения его были плохи, но не настолько, чтобы свернуть его с правильного пути, могущего привести к совершенству. Ромул и другие цари создали много хороших законов, отвечающих, между прочим, и требованиям свободы, но так как целью их было основание царства, а не республики, то, когда Рим стал свободным, оказалось, что в нем недостает многого, что надо было бы учредить ради свободы и о чем цари не позаботились.

После того как римские цари лишились власти вследствие обсуждавшихся нами причин и рассмотренным выше образом, изгнавшие их сразу же учредили должность двух Консулов, занявших место Царя, так что из Рима была изгнана не сама царская власть, а лишь ее имя. Таким образом, поскольку в римской республике имелись Консулы и Сенат, она представляла собой соединение двух из трех вышеописанных начал, а именно Самодержавия и Аристократии.

Оставалось только дать место Народному правлению. Поэтому, когда римская знать по причинам, о которых будет говорено дальше, совсем обнаглела, против нее восстал Народ, и, чтобы не потерять всего, ей пришлось поступиться и предоставить Народу его долю в управлении государством. С другой стороны, у Консулов и Сената сохранилось достаточно власти, чтобы они могли удерживать в республике свое прежнее положение. Так возник институт плебейских Трибунов. После его возникновения состояние римской республики упрочилось, ибо в ней получили место все три правительственных начала.

Судьба была столь благосклонна к Риму, что хотя он переходил от правления Царей и Оптиматов к правлению Народа, проходя через вышеописанные ступени и повинуюсь аналогичным причинам, тем не менее царская власть в нем никогда не была полностью уничтожена для передачи ее Оптиматам, а власть Оптиматов не была уменьшена для передачи ее Народу. Смешавшись друг с другом, они сделали республику совершенной. К такому совершенству Рим пришел благодаря раздорам между Плебсом и Сенатом, как это будет подробно показано в двух следующих главах.

Глава III. Какие обстоятельства привели к созданию в Риме плебейских трибунов, каковое сделало республику более совершенной

Как доказывают все, рассуждающие об общественной жизни, и как то подтверждается множеством примеров из истории, учредителю республики и создателю ее законов необходимо заведомо считать всех людей злыми и предполагать, что они всегда проявят злобность своей души, едва лишь им представится к тому удобный случай. Если же чья-нибудь злобность некоторое время не обнаруживается, то происходит это вследствие каких-то неясных причин, пониманию которых мешает отсутствие опыта; однако ее все равно обнаружит время, называемое отцом всякой истины.

Казалось, что после изгнания Тарквиниев в Риме установилось величайшее согласие между Плебсом и Сенатом; что Знать отказалась от своего высокомерия и настолько прониклась народным духом, что стала выносимой даже для человека из самых низов. Это ее лицемерие не было обнаружено и причины его не были ясны, пока были живы Тарквинии. Боясь их и опасаясь, как бы притесняемый Плебс не примкнул к ним, Знать обращалась с плебеями по-человечески; но едва лишь Тарквинии умерли и у Знати исчез страх перед ними, как она стала извергать на Плебс яд, скопившийся у нее в груди, и угнетать его всеми возможными способами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.